Огненная лавина

Вениамин Анисимович
Колыхалов

SHOUT
SHARE
IT

- Колыхалов Вениамин Анисимович

Колыхалов Вениамин Анисимович Огненная лавина

Колыхалов Вениамин Анисимович
Огненная лавина

Аннотация издательства: Документальная повесть о прославленном летчике-штурмовике 59-го гвардейского авиационного полка Герое Советского Союза Ю. Зыкове и его боевых друзьях, громивших немецко-фашистских захватчиков в небе Сталинграда, Курской дуги, Белоруссии в 1942 - 1944 гг. Для массового читателя.

Биографическая справка: ЗЫКОВ Юрий Николаевич, родился 15.11. 1922 в г. Брянск в семье рабочего. Русский. Член КПСС с 1943. Окончил 10 классов и аэроклуб. В Советской Армии с 1940. Окончил летную школу. На фронтах Великой Отечественной войны с августа 1942. Заместитель командира эскадрильи 59-го гвардейского штурмового авиационного полка (2-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия, 16-я воздушная армия, Белорусский фронт) гвардии старший лейтенант Зыков произвел 175 успешных боевых вылетов, уничтожил 18 вражеских самолетов на аэродромах. 21.02.1944 при выполнении боевого задания под г. Рогачев (Гомельская область) погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.7.44 посмертно. Награжден орденом Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 2 степени, медалями. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. (Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Воениздат. 1987. Том 1.) \\\ Андрианов П.М.

С о д е р ж а н и е

Крылья крепнут в полете
За каждую пядь неба
Небесные ратники
У родного очага
И снова бой
Последние атаки
Как живой с живыми говоря...

"Мы бодры духом и верим в победу, которую завоюем. Положение сложное, тяжелое. Борьба жестокая, насмерть. И если мне придется отдать жизнь за Родину, а она ей и принадлежит, то считайте, что трусом я не погибну".

Из письма Юрия Зыкова родным.

Сталинградский фронт.

Крылья крепнут в полете

Облака шли ровной величавой грядой, и казалось, будто уносят они с собой вдаль юношеские мечты.

Небо. Ты приходило в быстролетучие сны, волновало и влекло к себе сперва пугающей неизвестностью, потом, после обретения крыльев, - своей красотой, величием и недосягаемой глубиной. Преодолевая земное притяжение, летел вверх вырезанный из листа ученической тетради самолетик, и ты ласковым взглядом провожал его в полет. Думалось, что никогда не кончится юность, что над Родиной всегда будет чистое небо. Но пришла пора и тебе встать в строй защитников Отчизны. Ты выбрал авиацию, потому что просто не мыслил себя без неба...

Юра Зыков в 1940-м окончил аэроклуб, а в 1942-м - летное училище, стал летчиком-штурмовиком. Теперь и на земле он думал о небе. Да и как же иначе. Ведь оно стало ареной борьбы. Фронт огненной лавиной подкатывался к Сталинграду.

Когда Юрий прибыл в авиаполк и представился командиру, майор Скляров, оглядев молодцеватую фигуру летчика, спросил:

- Небо любишь?

- Как же его не любить, товарищ майор... Небо-то оно наше, родное.

Ответил на вопрос и удивился - почему командир полка спросил сперва о небе, не поинтересовался, как он ориентируется в воздухе, хорошо ли овладел материальной частью машины.

Командир полка смотрел на Зыкова, и редко подводящая его интуиция подсказывала: из этого еще не обстрелянного соколенка выйдет настоящий летчик-штурмовик. Решимость во взгляде, внутренняя собранность и подтянутость, рослая фигура парня - все располагало к Зыкову.

- Вопросы ко мне будут? - спросил Скляров.

- Не вопрос - просьба. Разрешите, товарищ майор, вылететь на работу.

Выражение "на работу" тоже говорило в пользу новичка. Командир полка даже потер от удовольствия сильные руки.

- Работа у нас - крепко бить врага, - ответил он. - А пока познакомьтесь с товарищами, с расположением части, хорошенько проверьте самолет и отдохните с дороги.

Нагнувшись, чтобы не стукнуться о притолоку, Юрий вышел из штаба. Узнав, где располагается вторая эскадрилья, зашагал к самолетам.

На посадку заходил подбитый Ил-2. Летчик пытался выровнять его, на секунду-другую это удавалось, но штурмовик опять кренило влево. "С работы пришел", - отметил про себя Зыков и облегченно вздохнул, когда перед самой землей летчику

удалось убрать крен и произвести посадку.

688-й штурмовой авиаполк базировался на поле бывшего совхоза. При беглом осмотре хозяйства полка молодой летчик увидел, что маскировка самолетов, упрятанных в капониры, превосходная, что зенитки умело затянуты камуфляжными сетками, цистерны с горючим выкрашены в зеленый цвет. Под сенью раскидистых тополей располагались полковые ремонтные мастерские, их крыши были обложены ровным слоем дерна. Если бы пролетел над аэродромом вражеский самолет-разведчик, то увидел бы с высоты лишь несколько цепочек серых деревенских изб, росчерки дорог в изжелта-зеленой степи да островки редколесья в заброшенных, осиротелых полях.

Мимо Юрия к одному из капониров пробежал техник в синем замасленном комбинезоне, кирзовых сапогах, обрызганных краской. Техник в правой руке держал ведро с тавотом, в левой несколько медных изогнутых трубок.

Командира звена Василия Филиппова удалось отыскать возле столовой: тот колол дрова. Зыков представился.

- Ловко у вас получается, - заметил Юрий здороваясь. - Пополнение принимаете?

- Всегда рады, - приглядываясь к новичку, ответил Филиппов, - Дрова колоть умеете?

- Приходилось.

- Держите!

Зыков ловко ухватился за отполированное руками топорище, стал колоть дрова.

- В деревне рос? - быстро перейдя на ты, поинтересовался командир звена.

- Родился в Брянске. Рос в Москве.

- Неплохо, неплохо. Не каждый горожанин может так орудовать топором. Пойдем, самолет посмотришь. Был он в разных переделках, латали его не раз, но мотор - зверь.

Посылая Зыкова в одно из лучших звеньев полка, Скляров знал, что Филиппов быстро сумеет передать новичку опыт ведения воздушных боев и разведки. Талантливый летчик, он не раз штурмовал вражеские аэродромы, переправы, танковые колонны. Из уст в уста ходил его девиз: "Будь скромным на земле и дерзким в воздухе".

Прошло недели две, прежде чем Зыков, успев совершить десятка два боевых вылетов, отправился с Филипповым на свободную "охоту", а заодно и в разведку.

Они вылетели ранним утром. Сильный северо-западный ветер нес над сталинградской степью перемешанную с дымом пыль. Серое месиво с трудом пропускало лучи солнца. В квадратиках

крупномасштабной карты, находящейся в планшете Зыкова, были обозначены островки леса, поля с балками и оврагами, многочисленные линии дорог и речушек.

Летчики всматривались в словно омертвелые дали, зная, что внизу не дремлют наши бойцы, что почти все они сейчас упрятались от зоркого ока врага в окопы, землянки, замаскировали орудия, танки, походные кухни. Скоро кончится наша территория и начнутся позиции врага. А пока, внимательно следуя за ведущим, Юрий думал о своей земле и о своей Родине. Есть клятвы, подписанные сердцем, именно такую клятву дал Зыков, вступив в комсомол. Без громких фраз и как-то само собой произошло породнение с героями прежних лет. И теперь надо было быть самому героем, научить сердце бесстрашию, подвергнуть волю закалке.

Вспомнился накоротке и первый день, вернее, первое утро войны, когда глухие раскаты бомбовых ударов врага были приняты за дальний июньский гром. Тогда курсанты и не подозревали, что этот гром - вестник войны.

Авиашкола находилась неподалеку от Киева. Курсанты хорошо видели яростные воздушные бои над городом; фашистские бомбы обрушивались на древний, утопающий в зелени город. Группы бомбовозов с крестами на широких крыльях прилетали как по расписанию. Бомбили они и учебный аэродром.

Теперь же в тыл врага летел Зыков. Внизу проплывали островки разнолесья, поросшие кустами искривленные балки, поблескивали речки и озера. Наконец-то и линия фронта.

Чем глубже в тыл противника залетают самолеты-разведчики, тем меньше дыма над землей, лучше видимость.

- Двадцать первый, слева железная дорога, - услышал Юрий в наушниках шлемофона.

Повернув голову, Зыков увидел поблескивающие на солнце ниточки рельсов. Сержант поругал себя, что не первый заметил стальной путь, рассеял внимание. Кое-где виднелись группы людей. Похоже немцы привлекли для ремонта железной дороги жителей оккупированной территории.

Всполошились зенитки. Впереди от разрывов снарядов появились дымки, словно невидимый пасечник прошел с дымарем и окурил небо.

Километрах в трех от железнодорожной насыпи тянулся островок редкого леса, похожий с высоты на огромную запятую. Среди почти однотонной зелени Юрий различил несколько пятен другого оттенка - желтовато-коричневого, словно в лесок раньше времени пожаловала осень.

- В лесу что-то замаскировано, - сообщил по радио ведущему

Зыков.

- Молодец, Двадцать первый. Я тоже вижу. Ветки-то успели завянуть. Пролетим над лесом, сфотографируем.

Чем дальше "илы" уходили от линии фронта, тем больше попадалось на дорогах вражеских пехотных колонн, автомашин, бронетранспортеров - все двигалось к Волге, к Сталинграду.

Зыков то и дело включал фотоаппараты. Приближалась и давно поджидаемая минута, когда можно будет пустить в ход реактивные снаряды. Брошен беглый взгляд на приборы. Профессиональное, почти подсознательное зрение летчика успело выработаться еще в авиашколе. Оно позволяло при мгновенном осмотре добиваться зоркого наблюдения и корректировки приборов винтомоторной группы и всего комплекса навигационных приборов. Летчики, познавшие тонкости своего искусства, внушали Зыкову: будешь вглядываться в каждый прибор - проглядишь небо, прозеваешь врага. Сержант зорко следил за землей и небом, видел, как при появлении грозных "илов", словно песчинки вихрем, сдувало с дороги вражеских солдат.

Ему хорошо было видно, как кто-то падал в придорожные канавы и рвы, кто-то прыгал на подножку машины, сворачивающую с дороги в поле, кто-то строчил вверх из автоматов и ручных пулеметов. Из укрытия ударили скорострельные зенитные пушки.

- Двадцать первый, за работу!

- Вас понял.

Увеличив расстояние между штурмовиками, ведущий свел свою машину в пологое пике. Земля словно бы летела навстречу. Скопировав угол снижения, Зыков направил свой штурмовик вниз. Пальцами он прикоснулся к одной из гашеток. Через несколько секунд - атака.

Самолет Филиппова стремительно проносился над головной колонной бронетранспортеров. Выпущенные реактивные снаряды легли в цель. Один снаряд, должно быть, угодил в машину с боеприпасами: над ней взметнулся огромный столб огня. В черном дыму потонули обломки машины. Объятый пламенем ее борт оторвало и бросило на бензозаправщик. Прошло несколько мгновений, и на его месте поднялся огненно-черный султан взрыва.

На дороге образовался затор автомашин и тягачей. Многие из них были объяты пламенем. При выходе из атаки Юрий оглянулся назад и с ликованием в душе увидел густые шапки разрывов в самом центре скопления вражеской техники. Первая атака, и такой отличный результат! Ладони Юрия цепко впились в ручку

управления. Он даже почувствовал, как в пальцах отозвалась боль. Разгоряченный боем, он поневоле поднес к лицу занемевшую правую руку, озорно, как делал не раз перед тем, как начать колоть дрова, поплевал на ладонь и стал энергично разворачивать штурмовик для нового захода.

Теперь крупнокалиберные пулеметы и зенитные орудия повели более интенсивный и прицельный огонь. Летчикам приходилось вести самолеты "змейкой".

Ошеломленный внезапностью удара, враг не понимал, откуда вынырнули самолеты русских. Зенитчики пролили сто потов, наводя скорострельные пушки на самолеты, буквально поливая бронированные "илы" густым потоком огня. Но снаряды, казалось, проносились мимо. Или, может быть, само небо помогает русским?

Предупредив ведущего, Зыков энергично отжал от себя ручку управления, направив машину к земле. Зенитчикам наверняка показалось, что наконец-то они подбили самолет и он, западая на левое крыло, пошел в свой последний путь.

Выведя машину из пике, сержант вновь понесся к колонне фашистов. Упруго спружинила под пальцами гашетка управления пулеметами и пушками: смертоносный ливень пуль и снарядов безжалостно сек разбегающуюся в страхе колонку фашистов. Юрия вновь охватил горячий азарт атаки. С поразительной ясностью и отчетливостью виделись земля и небо. Послушно и четко работали руки, и под мерный гул мотора думалось не о себе, не о своей жизни, - о неминуемой смерти ненавистных врагов, тех, что пришли осквернять и топтать родную землю.

- Молодец, Юра! - раздался голос ведущего. - Немного причесали колонну. Уходим в направлении хутора Бородкина.

Старший лейтенант Филиппов знал, что скоро сюда прилетят вызванные по рации немецкие истребители. Он зорко вглядывался в даль небес. Внизу простиралась ковыльная степь, изрезанная оврагами, тянулись поля, попадались опустелые фермы, оазисами возникли перелески - над всем нависала легкая бирюзовая дымка, просвеченная лучами нежаркого солнца. Ведущий не первый раз подумал о том, какой славный парень пришел в его звено. Зыкову всего девятнадцать. Совсем недавно он прошел боевое крещение, но уже дерзок в воздухе. Сегодня он тоже хорошо вел бой. Такой хватке мог позавидовать опытный, побывавший в пекле войны летчик.

После атаки штурмовики вышли к железной дороге и под "салюты" вражеских зениток полетели вдоль нее.

Показались пристанционные постройки, водокачка, серые пакгаузы, приземистые желто-коричневые здания. Справа от

путей будки стрелочников, полосатые шлагбаумы, десятка полтора цистерн.

Навстречу им, от станции, паровоз тащил на подъем порожняк. Юрий предположил, что машинист спешит за грузом, тем самым, что неумело замаскирован под пожухлыми ветками.

Пришло время возвращаться на свой аэродром. Легли курсом на Сталинград. Василий Филиппов был в отличном расположении духа: застать врасплох и помолотить колонны фашистов, сфотографировать важные объекты, безнаказанно пройти под огнем зенитной артиллерии - это ли не везение. Но ведущий удерживался от преждевременной радости - всякое может случиться...

Чем ближе подлетали к линии фронта, тем хуже и хуже становилась видимость.

Следуя за командиром и мельком поглядывая на карту, Зыков представил, как по широкому фронту расползлась теперь фашистская саранча, готовя массированный прыжок через Волгу. Вот заштрихованные на карте квадратики, прямоугольнички кварталы Сталинграда, вот близко лежащие друг от друга волжские острова Зайцевский и Спорный. И теперь, когда задание было выполнено и опасность, казалось, осталась позади, Зыков, следя за режимом полета и выдерживая свое место в строю, с мягкой улыбкой подумал: "Вот и все - дома!".

Но неожиданно с солнечной стороны появились истребители Ме-109. Летчики почти одновременно заметили их приближение.

- Юра, сомкни строй!

Зыков вплотную подошел к Филиппову, и вот теперь рядом с командиром он летел навстречу врагу. Наблюдая за истребителями, Зыков не забывал посматривать и на землю. Оттуда открыли сильный огонь зенитные орудия. Строй "мессеров" рассыпался. Каждый старался выбрать удачный ракурс атаки. Вот один из них устремился на него. Трасса прошла неподалеку от кабины. Зыков, прикрывающий Филиппова, ответил огнем пушек и пулеметов, вынудив Ме-109 прекратить атаку.

Другие "мессеры" пронеслись так близко от "ила", что Юрий мог рассмотреть даже заклепки.

И вот радостный миг: Зыков увидел, как со стороны солнца спешат на помощь четыре наших истребителя. "Мессеры" сразу же покинули район боя.

Но машина Зыкова получила повреждение. Летчики с истребителей видели, как то и дело накренялся на правое крыло подбитый Ил-2. Филиппов и летчики-истребители понимали, каких усилий стоило сержанту Зыкову выровнять самолет.

- Держись, Юра! - подбадривал своего юного друга старший лейтенант Филиппов.

- Держусь, командир! - устало ответил Зыков.

После посадки Филиппов подошел к Юрию. Не произнеся ни слова, они обнялись, и не нашлось бы теперь сил разъединить их: война накрепко завязала еще один узел дружбы, которая была необходима людям, идущим по грани жизни и смерти.

- Здорово же тебя, дорогой "Илюша", покусали зенитки! - Василий Филиппов обходил самолет Зыкова, ласкал его ладонью, словно живое существо. - А ведь не подвел, дотянул до дома.

- Так это ж "ил"! - с гордостью заметил подбежавший механик Егоркин. - Не самолет - танк с крыльями!

Вскоре веселость сошла с его покрасневшего лица. Механик принялся присвистывать, переводя взгляд с поврежденного самолета на Зыкова.

- Да, сержант, задал ты мне задачку - опять придется дня три колдовать. Ну, да ладно... не привыкать, отремонтируем.

-Товарищ старший лейтенант, железнодорожную станцию следующий раз надо бомбить, - сказал Юрий, идя с Филипповым в штаб полка.

- Доложим Склярову. Думаю, что на это важное дело он выделит эскадрилью.

- А я заметил еще один замаскированный объект! - все более оживлялся сержант.

- Где? - насторожился командир звена, потому что сам больше ничего не обнаружил.

Юрий приостановился, взял в руки планшет,

- Вот здесь, - ткнул пальцем в карту возле балки Безымянной, - есть хлебное поле, а рядом лесок. Немцы, видимо, спрятали в нем технику и для маскировки подъездов навтыкали деревца, натянули маскировочные сетки. Получилось так, что к лесу нет ни дороги, ни тропинки.

- А ты, оказывается, глазастый.

Пришли в штаб. Ведущий доложил командиру полка о выполнении задания. Майор Скляров внимательно слушал рассказ, изучающе поглядывая на Юрия. Иногда командир полка, пододвинув ближе карту, делал на ней пометки.

- Хвалю, хвалю, други мои! - сказал майор.-Вы славно поработали. Прибавим к вашему докладу материалы дешифровки и потом поговорим подробно. А сейчас отдыхать. На штурмовку танковой колонны у Гумрака, о которой вы сообщили по рации, я уже отправил пятерку штурмовиков... Зыков может идти.

Козырнув, четко повернувшись, сержант вышел из штаба.

- Ну, старший лейтенант, доволен ведомым?

- Еще бы, товарищ майор! Славный парень. Уверен, со временем он будет отличным летчиком, да и в разведке будет незаменим.

- Ну, ступай отдыхать. Спасибо.

К вечеру над аэродромом стали гуртиться густые тучи. Между ними еще кое-где виднелись светло-голубые просветы неба, но и эти отдушины вскоре покрылись непроницаемой мглой. Со стороны горизонта доносились глухие раскаты грома.

В избе, отведенной для второй эскадрильи, чувствовалась предгрозовая духота. От запечного угла тянуло плесенью. Зыков вышел на улицу. Сгущалась и нарастала темнота. Откуда-то вынырнул ветер, взвихрил мелкую, как зола, пыль. Юрий пошел полевой дорогой.

В сердце жила тоска по дому, по родным. До мельчайших черточек вспомнилось лицо матери Елены Филипповны. Как ей сейчас живется, как работается на должности старшего санитарного инспектора? Беспокойная должность. Думалось об отце, о сестре Лиле, о младшем брате. Мысленно говорил с ними, улыбался. Побыв наедине со своими думами, Зыков вернулся к месту постоя своей эскадрильи. Присев на завалинку, задумался. Надо постараться правдиво и ясно проанализировать разведывательный вылет. Юрий поругал себя, что в бою был чрезмерно суетлив, рассеивал внимание. Он сам себе поставил оценки: за бомбометание и воздушную разведку - хорошо, за бой с истребителями - лишь посредственно.

Опять с особенной теплотой думалось о Москве. Такая же теплота рождалась в сердце, когда вспоминал о Люсе Медведевой. Вместе с ней он учился в аэроклубе, посвящал ей свои стихи. В школьные годы Юрий много писал, но безмерная любовь к авиации, стремление быстрее обрести крылья все дальше и дальше уводили его от литературных мечтаний. Так и остались в его уютной комнатке в поселке Сокол неузнавшие печатной страницы новеллы, наброски стихов, незавершенная повесть и планы ненаписанных рассказов.

Зыков вошел в избу. В двух небольших комнатах разместились летчики эскадрильи. Хозяин избы, крутоплечий старик Савелий, два года назад похоронил жену. До войны он еще стоял у горна в совхозной кузнице. Летчики любили слушать занятные стариковские рассказы, наполненные прибаутками. Особенно были расположены к старику механики. Он часто ходил в капониры, помогал промывать детали при разборке узлов самолета, зачищал напильником концы медных трубочек, выбивал бородком отверстия в тонких стальных пластинках. Подавая детали, крутил в восхищении головой.

- Вот эт-то сокол! - разглядывая штурмовик, как диковинку, восхищался Савелий, проводя щербатой ладонью по гладкому боку машины. - Не аэроплан сплошное угрозье фрицам! Громите их, ребятки, режьте пулей, рвите бомбой!.. Я с ними повоевал еще в четырнадцатом.

Особенно любил Савелий слушать рассказы бывалых летчиков.

- В начале войны, - вспоминал Саша Бондарь, - мне, как летучей мыши, больше по ночам приходилось летать. Иногда - ни звезд не видишь, ни земли, запеленатой тучами. Внизу прожектор полыхает. Насмотришься так, что после огненный пляс в глазах долго уняться не может... Однажды интересный случай произошел. Далеко на территорию врага залетел, надо было бомбить вражеский аэродром. Лечу - темень внизу, лишь изредка земля, как из кратера вулкана, вышвыривает снопы искр: паровоз жмет во всю прыть, и видно хвост за ним длинный - сыплет с натуги искрами... Со второго захода попал в него бомбами красивый фейерверк получился. От пожара свет по округе разлился...

Бондаря в эскадрилье любили. Был он летчиком высокой выучки, мастерски громил врага не только днем, но и ночью. Сашу слушали охотно еще и потому, что он служил в полку с самого его основания. Организованный в сорок первом, полк сразу же после ноябрьских праздников оказался на фронте. Сначала он назывался ночной легкобомбардировочный полк. Базировался под Москвой. Жили в тот период летчики в кельях под спасительной броней толстокаменных стен. Но они не отсиживались за древними стенами - в любое время суток усиленно приходилось работать всему личному составу полка.

Из Подмосковья полк перебазировался в Дятково, потом в Торжок. С Обуховского аэродрома ему пришлось действовать всю зиму сорок второго года. Летчики полка блестяще выполнили операцию по снабжению продуктами и боеприпасами наших пехотных частей, выходивших из окружения. Вскоре на станции Кинель им пришлось детально познакомиться с новыми машинами "Ильюшин-2". Получив в Куйбышеве самолеты, они вылетели на Сталинградский фронт.

Юрий Зыков внимательно слушал рассказы Бондаря, вникал в жизнь части, присматривался к однополчанам, и первое, непокидавшее его чувство неловкости, стеснительности постепенно сменялось иным - после каждого вылета он все сильнее чувствовал родство со своими старшими братьями по оружию, понимал, что маленькой частицей вливается в могучее боевое соединение.

Слушая Филиппова, Бондаря, других товарищей, он проникался к ним чувством доверия и симпатии. Ему хотелось скорее стать полноправным членом летной семьи. Да и сами сослуживцы шли ему навстречу. Возле столовой как-то подошел к Юрию крепко сбитый бровастый сержант с потертым футбольным мячом под мышкой. Обнажая в улыбке белизну зубов, сказал:

- Поздравляю, сержант! Говорят, ты сегодня забил не один гол фрицам.

Так началось знакомство с флагманским стрелком Владимиром Большаковым, заядлым футболистом.

Владимир и до войны увлекался футболом. Жил в Орехово-Зуеве, в фабрично-заводском училище получил специальность токаря, одновременно посещал аэроклуб.

Дождь, начавшийся с полчаса назад, все еще шумел за окнами избы. Над степью опускались гнетущие сумерки. Кто-то из летчиков крикнул задорным голосом:

- Богачев! Когда ты пойдешь принимать дождевую ванну?

Командир звена Иван Богачев, которого за глаза в шутку называли Ваней Богатым, постоянно обтирался холодной водой, не расставался с гантелями, сделанными в полковой ремонтной мастерской. Любил принимать небесный душ, подставляя тело под живительную прохладу струй. Сегодня было бы непростительно упустить такую возможность: долго стояла сушь, давно летчики не слышали громовых раскатов.

Богачев стал раздеваться. Быстро снял сапоги, ловко стянул гимнастерку, повесил на спинку кровати. Обнажилось мускулистое тело. Иван собирался шагнуть за порог, как в избу в накинутой на плечи плащ-палатке вошел дежурный по полку: эскадрилья приглашалась на занятия по воздушно-стрелковой службе.

- Ваня, обмундировывайся скорее! - посоветовал другу Филиппов.

- Дайте человеку искупаться под дождем, - заступился Бондарь.

Перебрасываясь шутками, летчики направились к столовой, где обычно проводились собрания, политзанятия, учебные сборы.

Помощник командира полка по воздушно-стрелковой службе капитан Клименко, поджидая пилотов второй эскадрильи, просматривал свежие газеты. Когда все расселись на широкие скамейки, Клименко начал спокойным твердым голосом:

- Товарищи! Страна переживает сейчас тяжелые дни. Обстановка на фронте продолжает оставаться угрожающей - враг, собрав огромные силы, рвется к Волге, к Сталинграду, фашисты опытны и коварны. Мы обязаны знать технику врага не хуже

своей. В совершенстве ли мы овладели тактико-техническими данными самолетов противника, отлично ли знакомы с их вооружением?

С напряженным вниманием слушал капитана Зыков, Не было в выступлении помощника комполка назидательного тона, Клименко как бы вел доверительную беседу с глазу на глаз. За кажущейся строгостью капитана Юрий мог разглядеть теплоту его взгляда, догадаться об общительном характере человека.

- Лейтенант Богачев.

- Слушаю, товарищ капитан.

- Можете вы назвать отличительные особенности немецких истребителей?

- Имеют хорошую маневренность.

- Еще.

- У них сильное стрелковое и пушечное вооружение. Велик радиус действия. Например, у Ме-109 дальность полета составляет до тысячи километров, а у Ме-110 на четыреста километров больше...

- Сержант Большаков, продолжите.

- На истребителях противника последних выпусков были установлены пушки, стреляющие через втулку винта...

Незаметно проходили дни за днями, недели за неделями. Лето 1942 года набирало силу. Вновь наступили дни с одуряющей духотой в полдень, с завесами дыма и пыли вдоль передовой.

Во всех частях и соединениях в эти дни зачитали самый суровый за Отечественную войну приказ - "Ни шагу назад!".

Летчики-скляровцы свято выполняли клятву, данную Родине. С каждым вылетом крепли их удары по врагу.

За успешную разведку в глубоком тылу противника Зыков получил первую благодарность от командования. Разделили с Юрием радость его боевые наставники - Филиппов и командир звена Богачев.

В августе полк интенсивно бомбил вражеские переправы через Дон. Звено Ивана Богачева добровольно вызвалось лететь бомбить одну из наиболее защищенных переправ у населенного пункта Нижний Акатов. По прочному настилу, лежащему на понтонах, соблюдая дистанцию, шли танки, бензозаправщики, машины с тесно сидящими на них солдатами, катились поблескивающие лаком штабные лимузины.

Не только возведенная наскоро понтонная переправа прогибала свою хребтину под тяжестью великого груза, но, казалось, суровел от натуги сам батюшка-Дон, повидавший на долгом веку немало супостатов.

Звено Богачева шло на штурм переправы. Час назад Иван

обтирался колодезной водой, хорошо снимающей усталость, придающей мышцам упругость и силу. Он натрудил гантелями руки и теперь в полете ощущал, как стягивало и поламывало запястья. На свежую голову хорошо думалось. В первую очередь решено было бомбить зенитные батареи. И после первой же атаки "илов" несколько орудий было выведено из строя.

Во втором заходе бомбы легли неподалеку от середины переправы, подняв водяной смерч и образовав крутой вал. Он с гулом обрушился на понтоны. Солдаты прыгали из кузовов машин на настил, под колеса и гусеницы идущей сзади техники.

Зенитки и пулеметы врага вели яростный огонь по "илам".

- Орлы, за мной! - вновь звенит в эфире голос командира звена.

Зенитные снаряды разрывались в такой близости от машины Богачева, что он даже улавливал кисловатый запах дыма, просачивающийся в кабину. Осколки снаряда повредили винт, чиркнули по крылу.

Богачев заводил штурмовик от правого берега Дона так, чтобы переправа оказалась параллельно фюзеляжу его машины. Надо произвести поправку на ветер, зайти к понтонному мосту с другого конца. Задача одна: разорвать нанизанные на толстые стальные канаты овальные бусы понтонов, как можно скорее отправить на донское дно в спешке бегущие танки и машины.

Но вот штурмовик Ивана будто подпрыгнул на ухабе: крупная дрожь машины передалась человеку, по телу расползлась нехорошая истома. Командир звена в мыслях постоянно ограждал штурмовик от всякой напасти и даже, пожалуй, начинал верить в его неуязвимость. И вот тебе на - в фюзеляже разорвался фашистский снаряд.

"Что теперь делать?" - спросил сам себя.

- Ваня, горишь! - отозвался с хрипотцой голос в шлемофоне.

Богачев не видел пламени, но, оглянувшись назад, заметил пока негустую струю дыма, словно под брюхом машины подпалили клочок бересты и подтопка зачадила, оставляя кривую угольно-черную полосу с темно-красными языками пламени у самого фюзеляжа.

"Скорее набрать высоту, войти в крутое пике, постараться сбить пламя, задушить красношерстную зверюгу, терзающую сейчас самолет. А может, не надо тратить времени и продолжать следовать своим курсом к переправе?" Торопливый бег секундной стрелки на часах заставлял немедленно принимать нужное решение.

Богачев хотел потянуть ручку управления на себя и взмыть в задымленное небо, но первые завитушки огня, начинающие

подползать к кабине, заставили отказаться от задуманного. Отчетливо представилось: пламя властно подбирается к бензобакам с наполовину израсходованным горючим, возможно, успело накалить резервуары, и вот-вот наступит роковой момент...

Огонь начал нагревать кабину, гуще обволакивать стекло, но летчик старался держать под постоянным наблюдением переправу. Он подходил к ней, словно к аэродромной полосе на посадку, все сильнее и сильнее отжимая от себя ручку управления... Богачев смотрел на стекло кабины, и на какой-то миг ему показалось, что он глядит в широкий зев русской печки в своей деревенской избе. Жарко пылают березовые дрова, на загнетке стоит чугун со свежими щами. В одно мгновение промелькнуло лицо матери в отблесках буйного огня - мать в цветастом переднике, на подбородке у нее мучная пыльца... Исчезло видение, больно защемило сердце. Он мысленно простился с родными, с землей, с небом, которое так любил. Надо что-то сказать на прощание ребятам, пусть передадут товарищам и командиру, как дорого стоила его жизнь.

- Вы слышите меня, ребята?! - гортанным голосом выкрикнул Богачев.

- Прыгай, Иван!..

- Прощайте, друзья! Иду на мост!

С берегов по нему били зенитки, строчили автоматы и ручные пулеметы. Сбрасывая в спешке ранцы, с настила посыпалась в воду фашистская солдатня, отчаянно разгребая руками донскую воду, стараясь подальше отплыть от моста - к нему с катастрофической быстротой приближался объятый пламенем советский штурмовик. Ничто теперь не могло предотвратить столкновение самолета с переправой, забитой техникой и людьми.

Иван с благодарностью подумал об "иле" - молодец, не подвел, не взорвался раньше времени...

Небывалой силы взрыв разметал переправу над Доном. С огнем, дымом подняло вверх понтоны, машины, орудия. Новенький "оппель" так швырнуло взрывной волной, что насадило его на конец танкового ствола. Вместе они и ушли на дно реки.

Уничтожив еще несколько зенитных орудий, звено вернулось на полевой аэродром. Только не было с ними любимого командира - Ивана Богачева.

За каждую пядь неба

688-й штурмовой авиаполк под командованием Максима Гавриловича Склярова вошел в состав 16-й воздушной армии, формирование которой в основном было закончено в августе

сорок второго года. Штаб армии расположился в совхозе "Сталинградский". Летчики поселились в многоместной землянке.

Гантели Вани Богачева взяли в землянку, и по утрам Юрий Зыков занимался с ними. Владимир Большаков, наблюдая за ретивостью парня, говорил:

- Давай, давай, тренируй, Зыков, мускулы. Теперь надо драться за себя и за Ваню.

К этому времени Юрий успел сдружиться со многими летчиками. Особенно он дорожил дружбой с Большаковым. Они успели узнать друг о друге многое. Владимира часто посылали на ответственные задания, потому что он отлично следил за воздухом, умело ориентировался в любой обстановке.

Все чаще стали вспыхивать по ночам зарницы - бело-фиолетовые сполохи в разных частях неба, волнуя тех, кто с детства видел нелегкий крестьянский труд, собирал колоски после жатвы. Приятные воспоминания об уборочной страде радовали и майора Склярова, выходца из крестьянской семьи, живущей в Ростовской области. Ему было всего три года, когда над Россией отполыхала самая жаркая из зорь - заря революции. В бурный период коллективизации окончил рабфак, в тридцать шестом году летную школу, перед самой войной - курсы усовершенствования.

В ту ночь на двенадцатое августа, командиру полка спалось плохо. Утром надо было вылетать на ответственное задание: бомбить аэродром у местечка Обливская. Сам комполка был назначен ведущим группы, состоящей из тринадцати штурмовиков и двадцати четырех прикрывающих истребителей.

Перед вылетом наметили провести митинг, вынести полковое знамя. Несколько вступительных слов скажет сам командир. Вот и сейчас, лежа на жесткой постели, Максим Скляров подыскивал нужные слова. Мешали думать бесконечные заботы. Он оделся, вышел под звездное небо. В той стороне, где был его родной дом, взыграла блесткая зарница... вспомнилась деревенская улица, рябина под окнами, кривая дорога в поля, прощальный осенний клик птиц на отлете. А зарницы все полыхали, затмевая на мгновения звездный свет. Многие поля не засеяны нынче хлебами, а природа в сроки их созревания по заведенному порядку выполняет свою ритуальную пляску праздничных огней, словно радуясь разумной работе земли, предсказывая богатые урожаи.

А каким будет "урожай" завтра, когда группа полетит бомбить аэродром противника? Там, по сообщению разведки, скопилось около ста самолетов. Скляров решил, что на митинге в короткой речи он вспомнит и ночные сполохи небес, и пустующие по вине

фашистов поля, и матерей, оплакивающих своих сынов. Он скажет однополчанам: "Обрушивайте лавину огня на голову врага. Пусть каждая бомба и пуля, каждый снаряд поразит и испепелит вражью нечисть. Пусть не будет фашистам пощады ни на земле, ни в небе..."

Нет, не напрасно вспыхивали в ту ночь зарницы: они сулили полку боевую удачу. На вражеском аэродроме было уничтожено пятьдесят самолетов. Наша группа вернулась без потерь.

Через пять дней в районе Абганерово обнаружили большое скопление танков. Снова массированный неожиданный налет - в результате десятки уничтоженных и поврежденных танков остались недвижимыми на земле.

С каждым новым вылетом на боевое задание к Юрию Зыкову приходили расчетливое спокойствие и хладнокровие. Он стремился не рассеивать по мелочам внимание, еще на подходе к цели воспроизводил в уме, как он выражался, раскладку боя. Юрий быстро научился предугадывать грань риска, что помогало уклоняться от опасностей во время боя. Он яростно защищал в нужную минуту своих товарищей. Иногда в лобовых атаках, грозя тараном, сержант, не снижая скорости, вел свою машину на сближение с вражеской, сверяя свою смелость с выдержкой противника. Страшась неминуемого столкновения, не поборов упорства русского летчика, враг обычно пасовал, резко уводя самолет, и тогда, выбрав удачный момент, произведя необходимый доворот штурмовика, Зыков бил по беглецу из пушек и пулеметов.

Ему пришлось участвовать и в налете на сильно охраняемый аэродром, и в бомбежке скопления танков. Высокое мастерство бомбометания показала здесь эскадрилья Анатолия Кадомцева. Он так же, как и Юрий, окончил Энгельскую школу летчиков. До этого - семилетка, ФЗУ. Похожи были биографии и других парней, оказавшихся в одном полку, под одним боевым знаменем. Почти всех их вывел в небо аэроклуб. Многие успели произвести по тридцать - пятьдесят боевых вылетов. На гимнастерках красовались ордена, поблескивали медали. Опыт лучших изучался не только в этом соединении, но и в других полках, дивизиях. Анатолий Кадомцев, как и Александр Бондарь, был мастером ночных полетов. Однажды, произведя ночью шесть заходов над аэродромом вблизи совхоза "Дугинского", летчик метким бомбометанием уничтожил несколько "юнкерсов", разбомбил бараки.

Атакуя скопление танков под Абганерово, Зыков наблюдал за штурмовиком командира эскадрильи. Резкие крены, отвесное пикирование, скольжение на крыло, Юрий восхищался

командиром. Учился у него воевать.

Во второй эскадрилье появился Борис Россохин. Юрий быстро подружился с ним. С первых дней между ними установились приятельские отношения, да и жили они с одной землянке.

Борис был родом из Тавды, хорошо знал Павлика Морозова, с его братом Алешей учился в одном классе. Россохин вырос в тайге, прекрасно ориентировался в самых глухоманных местах. Еще до войны он работал в топографическом отряде, где был техником-вычислителем.

Тайга учила сметке и находчивости. Однажды пришлось вступить в единоборство с рысью, прыгнувшей с дерева на спину. Выработанная в таежных походах мгновенная реакция помогла позже Россохину и в воздушных боях. Выдержка, наблюдательность пригодились в разведке, с высоты он быстро мог определить маскировку противника, каких бы замысловатых расцветок ни были камуфляжные сетки, как бы умело ни упрятывал враг технику под ветками берез, под сосновый или еловый лапник.

В школе его не тянуло в авиацию - хотел стать артиллеристом. Еще до ухода в армию выучил устав, привезенный кем-то из отслуживших ребят. В Тавде было немало бывших воинов. Многие защищали молодую республику Советов кавалеристы, пехотинцы, артиллеристы. Из их рассказов можно было уяснить главное: война - сопряженный с риском и опасностями тяжелый труд. Один земляк, бывший наводчик, убеждал: идите, ребята, в артиллерию. Так Борис и решил, но в военкомате предложили авиационное училище. Оно и определило его судьбу.

Рассохин увлекал Юрия рассказами о тайге, рыбалке, охоте. Зыков делился впечатлениями о любимой Москве, о родном поселке Сокол, где улицы носят имена художников. Хотелось бы сейчас очутиться на улице Левитана, пройти знакомой дорогой от школы и остановиться на углу, где Юра со своей сестренкой Лилей любил покупать прозрачные сладкие петушки на тонких палочках. Совсем, казалось, недавно были школа, аэроклуб, веселые поездки на Тушинский аэродром в День Воздушного Флота СССР. Все позади, а впереди... впереди... война, и сколько она продлится - никто не может сказать. Но только было ясно: никогда не будут парадным маршем шагать по Красной площади германские дивизии!

В короткие свободные минуты Юрий писал письма матери. Давно ли бегал он по поселку Сокол на окраине Москвы, запускал модели самолетов, ходил на железную дорогу выгружать уголь, пиломатериалы. На заработанные деньги покупал моторчики,

детали к авиамоделям.

Учеба в аэроклубе - самая прекрасная пора в его юности. Поначалу Юра не прошел по состоянию здоровья медицинскую комиссию. Зная о мечте сына, мать, Елена Филипповна, не пыталась отговаривать его от аэроклуба. Даже более того: она сама помогла добиться повторной комиссии, и вот ее сын стал курсантом.

Так близко стало огромное небо, его влекущие высоты. Радость первого самостоятельного полета. Инструктором был веселый человек - летчик Тачаев. Случалось, подтрунивал над курсантами и неизменно пел любимую песенку:

Сел на кочку
На три точки;
Высылайте запчастя
Фюзеляж и плоскостя.

Однако веселость нрава не мешала ему быть строгим, взыскательным. Если Зыков в присутствии Тачаева называл Медведеву нежно - Люсенькой, инструктор серьезно замечал:

- Курсант Зыков, у нас здесь аэроклуб, а не пансион для благородных девиц. На аэродроме нет Люсеньки, есть курсант Медведева. Ясно?

- Так точно!

Но вскоре наставления инструктора забывались. Таким уж был Юра с самого детства: если кого любил - то верно, всем сердцем. Еще учась в первом классе, Юра в слове мама делал две заглавные буквы: МаМа. Он любил мать нежно и трепетно и был уверен, что именно так и должно правильно быть написано это бесконечно дорогое слово. Немало любви и привязанности было в сердце мальчишки и к отцу, Николаю Александровичу. Тот называл его нежно - Юрушкой.

Когда позволяло время, они с Люсей не садились на двадцать третий трамвай, а от Сокола до аэроклуба, расположенного на Красной Пресне, шли пешком. Как много они узнали друг о друге в те счастливые часы юности.

Люся уже летала на У-2, с волнением разглядывала затейливые извилины Клязьмы, глыбасто встающие здания столицы. Как радостно было всем существом своим ощущать послушно подчинявшуюся твоей воле машину. И как на грех, в это волнующее для нее время вышел приказ об отчислении женщин из авиации.

С одной из своих подруг Людмила пошла к Гризодубовой. На квартире прославленной летчицы девушкам больше всего запомнился массивный рояль и груда писем на черной полированной крышке. Поведали Гризодубовой о своей печали,

просили помочь.

- Дорогие мои, - ответила летчица, - вы видите письма на рояле: все просят меня об одном и том же. Но чем я могу вам помочь после такого категоричного приказа наркома? Видно, не женское это дело - авиация... Вот что, девчата, если вас так влечет к себе небо - поступайте в авиационный техникум. Будете работать потом на аэродроме. А уж оттуда до неба путь самый близкий.

Шел предвоенный сороковой. Люся поступила в авиатехникум, расположенный на Тверской-Ямской. После нелегкой рабочей смены на моторостроительном заводе она спешила на учебу.

И вот теперь об учебе и работе любимой Юрий узнавал из писем, адресованных Люсей на фронт...

Надолго стал пристанищем для летчиков совхоз "Сталинградский". Отсюда они летали бомбить переправы, танковые колонны, аэродромы и укрепления врага. Красавец Сталинград превратился в руины. Наиболее мощные стены зданий враг оборудовал под долговременные огневые точки.

С высоты Сталинград казался городом, перенесшим многобалльное землетрясение. Сколотые наполовину или разрушенные до основания трубы заводов и фабрик, опрокинутые трамваи, съехавшие набок крыши домов, треснутые купола церквей, и над всем этим каменно-железным хаосом дым и огонь непрекращающихся пожаров. В один ажурный пролет моста врезался подбитый истребитель. Он сгорел почти совсем, только торчал из стальной паутины пролета зеленый хвост.

Полк базировался километрах в сорока от Волги. Шла невиданная в истории Сталинградская битва, которой суждено было стать решающей и переломной в ходе войны.

Как ни скрывали свое местонахождение штурмовой полк и батальон аэродромного обслуживания, как ни маскировали летчики и механики самолеты, капониры, бензозаправщики - враг не раз прилетал сюда на бомбежку, к счастью, не причинив большого вреда полковому хозяйству.

Летчики жили кто в избах, кто в землянках, а технический состав облюбовал себе "сенные коттеджи" - разместился в стогах, неподалеку от аэродрома. Однако и стога фашисты не оставили в покое: думали, вероятно, что русские скрывают под сеном какую-то технику.

Безнаказанно для врага пиратские налеты не проходили. За два воздушных боя наши истребители совместно с зенитчиками сбили пять бомбардировщиков врага.

Скляровские штурмовики успешно громили врага и

непосредственно в Сталинграде.

Однажды Зыков в числе восьми летчиков полка полетел на бомбежку одного из прилежащих к тракторному заводу районов. Командир полка вывел точно на цель, и началась жаркая работа. Минуту назад мутную, словно туманную, пелену над руинами прорезали три зеленых огонька. По ним ведущий определил местонахождение наших войск.

Справа тянулся каменный остров, омываемый улицами и переулками. С земли обрушился на самолеты ураганный огонь, но еще более сильный огонь открыли штурмовики. Привычное для сержанта Зыкова единоборство двух могучих сил земли и воздуха - подхлестывало его во время боя, заставляло быть собранным, выдержанным и решительным. Его радовало, как метко ложились бомбы, как, гонимые мощной силой, устремлялись под углом эрэсы, чтобы в очередной раз произвести в стане врага опустошение и смерть. Вот стена одного краснокирпичного дома, поднимая облако пыли, начала оседать и крениться влево. В той стороне был зенитный расчет. Он был заживо погребен. Так, умело подрывая высокие стены, летчики накрыли не один артиллерийский расчет.

Штурмовики разворошили большое "осиное" гнездо. И не успели самолеты лечь на обратный курс, а к разбомбленному кварталу в стремительном броске уже продвинулись наши пехотинцы.

...Шесть лет спустя в этом районе Сталинграда побывала сестра Юрия Зыкова - Лилия Николаевна. Работала она тогда в ЦК ВЛКСМ инструктором. В разрушенный, только частично восстановленный город она привезла делегацию Союза девушек Франции. Еще повсюду были видны следы небывалого разрушения, но люди с великим упорством отстраивали свой родной город. Среди руин то тут, то там поднимались многоэтажные дома, в детские садики спешили гомонливые ребятишки, в расчищенных скверах бабушки укачивали в колясках внучат.

Не был полностью восстановлен Сталинградский тракторный завод, но уже с отдельных его конвейеров сходили стальные кони, так нужные истосковавшимся по плугу полям Родины.

В составе делегации французских девушек была Бэлла Кирман, немного знавшая русский язык. Не в студенческой аудитории познавала она азы русской речи - в лагере для военнопленных. Она помогала Лилии Николаевне общаться с француженками. Посетили Мамаев курган, как щебнем, усыпанный осколками. Возле кинотеатра "Победа" посадили березки на память о посещении многострадальной земли у Волги.

Лилия Николаевна объяснила девушкам, что ее брат воевал здесь, освобождал город. Сестра привезла тогда в Москву священную землю с Мамаева кургана...

Но до победы, до тех мирных дней было еще много военных дней, много тяжких испытаний.

Бомбить фашистов в Сталинграде Зыков летал неоднократно. Так, в паре с Филипповым он громил сосредоточение вражеской техники.

Помощник командира полка по воздушно-стрелковой службе Георгий Клименко дотошно изучал опыт ведения воздушных боев. Подолгу расспрашивал летчиков, стрелков, какую новую тактику применил противник, как вели себя Ил-2 в той или иной сложной ситуации. Нередко Клименко и сам летал на задания. Все интересное, новое капитан записывал в специальный журнал боевых действий. "Полевой воздушной академией" называли летчики эту школу Клименко. И обучались в этой "академии" парни без отрыва от "производства". Очень полезными были такие занятия и тренировки. Клименко учил однополчан быстро ориентироваться по карте, знакомил с опытом лучших летчиков, стрелков. Капитан убеждал: осмотрительность в воздухе, правильное распределение внимания, безукоризненное знание машины - хорошие союзники во время боя.

В конце августа 1942 года в полк прибыл заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков. Его сопровождал командующий 16-й воздушной армией С. И. Руденко. Ожидаемый приезд известного полководца всколыхнул душу каждого летчика-гвардейца.

Г. К. Жуков появился перед замершим строем. Юрий невольно придержал дыхание. Полк стоял по стойке "смирно".

Хотя полк поздоровался раскатисто и дружно, Зыкову подумалось, что приветствие прозвучало нестройно и вяло. Сейчас Юрий видел генерала Жукова вблизи. Он показался ему утомленным и чем-то обеспокоенным. Лицо только раз осветилось скупой улыбкой, когда командир полка Скляров сделал какое-то меткое замечание о своих подопечных летчиках. Сержант расслышал слова: "...хорошо чехвостят... много есть снайперов...". Жуков медленно кивнул головой и переступил с ноги на ногу.

За короткое время пребывания в полку заместитель Верховного Главнокомандующего успел посетить полковую ремонтную мастерскую, осмотрел самолетный парк, выявил нужды авиационной части. А они конечно же были. Недоставало радиопередатчиков на самолетах, не хватало шлемофонов, наблюдались перебои в снабжении горючим. Майор, не

отходивший ни на шаг от Жукова, торопливо записывал в объемистую тетрадь все то, что говорил ему Георгий Константинович во время своего обхода территории полка и беседы с летчиками.

В полковой столовой Жуков преподал урок повару:

- На Руси солдаты умели щи из топора варить, а ты что из добрых продуктов приготовил? Разве такую подливку надо к каше подавать? И перловку почаще помешивай - пригарью пахнет.

- Жиров мало... Раскладка... Да я... - залепетал краснощекий крепыш.

- Конечно - ты, - усмехнулся Жуков. - Не я же должен обеды летчикам готовить...

После отъезда Жукова и генерала Руденко в полку еще долго говорили о дотошности представителя Ставки, о его коротких, но емких, дельных беседах с летчиками, техниками.

Спустя неделю прибыли в полк рации для "илов", многим летчикам выдали новые шлемофоны. Батальон технического обслуживания получил недостающие приборы для самолетов. В полк зачастили бензозаправщики с горючим.

Повар говорил за обедом:

- Попробовал бы сейчас моей подливки товарищ Жуков... и мы могем щи спроворить, был бы топор пожирнее...

- Чего раньше не варил? - трунили над поваром однополчане. - Полк опозорил.

- Кто же мог предположить, что он из котла каши попробует? Раскладку я нормальную сделал. Перловка, холера, подвела - пригорела...

Прокаленные степными ветрами, выдубленные горячим солнцем лица парней посмуглели. Особенно радовался теплу и палящему солнцу Гога Тваури. Жара в Поволжье напоминала знойные дни на величаво-спокойном Кавказе. Где-то в горных теснинах петляет его родная Кура, а в небе кружат орлы. Теперь Гога - сам орел.

Лицо Тваури в отличие от лиц товарищей кажется вороненым. В какой бы компании летчиков ни появился он, словно по команде вспыхивают улыбки, в глазах сквозят доброжелательность и сердечность.

Друзьям известны пути, приведшие Гогу в авиацию. Они сходны с путями его однополчан: аэроклуб, летное училище. Каждый из них шел в боевую авиацию своей тропинкой, кто полевой, кто горной, чтобы вот тут, вблизи Волги, эти разрозненные тропки слились в одну широкую дорогу Отечественной войны.

Двенадцатилетним мальчиком увидел он впервые самолет.

Смотрел с нескрываемым восхищением в лазурное небо и светлой завистью детства завидовал человеку, сидящему в кабине самолета. И тогда зародилось желание самому научиться летать. Окончил аэроклуб в Тбилиси. Летал на У-2. В числе лучших курсантов попал в Тамбовскую авиационную школу. Летал на скоростных бомбардировщиках. Прошел переподготовку на Ил-2.

Нигде, видимо, так не сближаются быстро люди, как в авиационном соединении. Братство на земле, сливаясь с братством в воздухе, образовывало такой крепкий сплав взаимоотношений, разбить который не под силу никакому врагу. Гога стал своим парнем и среди летчиков, и среди артиллеристов зенитного дивизиона, что прикрывал полевой аэродром. Три батареи были крепким наземным щитом, они не раз служили надежной опорой для штурмовиков во время налетов врага.

Любили Тваури и техники фотолаборатории, установленной на автомашине. В лаборатории проявлялась отснятая во время боевых действий и разведывательных полетов пленка, производилась дешифровка снимков.

Почти после каждого разведывательного рейса Тваури, Зыкова, Гребенькова и других воздушных следопытов получались фотоснимки, дающие ценную информацию. Этих летчиков никогда не подводили громоздкие, чуть ли не в пуд весом фотоаппараты, установленные в фюзеляжах.

- Фотослужба - великая вещь на войне! - говорил Гога. - Чего не увидит глаз - всегда подметит объектив.

У Гоги фотоаппараты всегда работали в тот момент, когда под самолетом были колонны танков и машин, сильно охраняемые переправы, расположение, войск противника.

И в аэроклубе, и в авиашколе Тваури тренировал память, запоминая до мельчайших подробностей все, что проносилось под крыльями У-2 или СБ. После полета он закрывал глаза и воссоздавал увиденное: речки, буераки, поля, ломаную линию гор на фоне синего неба.

В полку ведущим выдавались специальные карты цели. На них километр военных дорог, речек, полей был уложен на сантиметровом отрезке. Во время боевых вылетов у Тваури запечатлевалась в мозгу своя карта цели. Он видел землю широко, во весь ее зримый охват.

По многу раз в день звучали для летчиков команды "По самолетам", и каждый воспринимал такие команды по-своему.

Командир полка Максим Скляров думал о том, чтобы из очередного боя вернулись живыми все летчики. Техники желали видеть возвратившиеся на аэродром машины без пробоин в крыльях и фюзеляжах. Хотя не кровоточили эти раны самолетов,

но они больно щемили сердца техников. Слушалось, ночи напролет латали они то рулевое управление, то крылья, похожие на огромные терки, так они были изрешечены осколками и пулями. И "летающие танки" были уязвимы. Зенитные установки, крупнокалиберные пулеметы, пушки создавали такой заградительный частокол, "пролезть" через который мог не каждый самолет.

В кабине было душно, и Тваури, уже пристегнув парашют и привычно щелкнув тумблерами перед запуском двигателя, шумно дышал.

Первые пары выруливали на взлетную полосу - мощно ревели моторы, из-под разбегающихся машин тянулись бурые полосы пыли.

Поодаль стояли техники - вечные провожатые в небо. В их позах была все та же постоянная собранность и торжественность момента - они всегда подбадривали летчиков перед расставанием с землей, с аэродромом.

Мысленно Тваури успел перенестись туда, где сейчас на дорогах перед волжским городом тянулись пехотные и моторизованные войска врага.

Последние недели полк во взаимодействии с другими летными частями порядком потрепал врага и в самом городе, и на подступах к нему, поэтому не мудрено, что немецкое командование подтягивало на помощь новые войсковые соединения.

Гога летел в паре с Зыковым. Когда штурмовик делал крен влево, Тваури казалось, что до крыла Юриного самолета можно достать рукой. Со стороны особенно хорошо была видна горбатина "ила", обрисованная линией высокой квадратной кабины. Но горбатым "ил" называли скорее всего за то, что непомерную тяжесть войны он тащил на своем горбу. Парни верили в своих "горбатых", знали, что они не раз приносили им боевое счастье, успех. Ведь редко какая штурмовка проходила и без стычки с "мессерами". Командир полка Максим Скляров учил: недооценка противника - непростительный просчет. Такие просчеты обходятся дорого. И летчики хорошо помнили его слова.

Внизу лежала побуревшая волжская земля, по ней скользили легкие тени самолетов. Вел группу капитан Гребеньков. Про него говорили в полку - ему неведом страх. Во время боя он просто забывал о страхе, не давал, чтобы тот лишал воли, парализовывал мысли, сковывал движения. Как всякому смертному, и ему, видимо, было знакомо чувство страха, но Гребеньков отлично знал, что жить с ним в союзе вредно и опасно... и капитан,

напрягши всю свою волю, отбрасывал прочь это чувство.

Впереди стали видны дымы над Сталинградом, багровые отсветы пожаров. До цели осталось лету несколько минут, когда со стороны Волги показались "мессеры". Летчики метко прозвали их "желтопузыми". Это выражение не сходило с уст и на аэродроме, и в землянках, и во время отрывистых переговоров в пылу воздушных боев.

Одним из первых самолеты противника заметил Гога.

- Двадцать пэрвый, справа "жэлтопузые".

- Вижу, Гога, вижу, - ответил Зыков и плавно с крыла на крыло качнул свою машину, как бы подтверждая сказанные слова.

Истребители прикрытия, подпустив "мессеров" на достаточное для атаки расстояние, первыми открыли огонь. Предчувствуя это, "желтопузые" резкими кренами влево, вправо избежали встречи со снарядами, с огнем пулеметов.

Скляровцы давно были предупреждены, что многие вражеские летные соединения под Сталинградом формировались под непосредственным руководством Геринга. Нашим летчикам уже приходилось встречаться с этими асами.

От штурмовиков "желтопузые" держались на почтительном расстоянии, учитывая их численное превосходство и таящуюся в "илах" огневую мощь. Несколько раз Ме-109 все же подходили близко к ведомым штурмовикам, открывали огонь, но безрезультатно. На подходе они проявляли завидную виртуозность. Так и мелькали перед глазами длинные драконы, нарисованные на фюзеляжах: от хвоста до лобовой части.

Приказ ведущего группы Гребенькова был строг: не отклоняться от курса. Вскоре штурмовики вышли на цель. "Мессершмитты", видимо, возвращались на свой аэродром после воздушного боя. Сделав несколько заходов, израсходовав оставшийся боекомплект, они удалились, успев, вероятно, предупредить по рации, в каком направлении и в каком количестве летят "илы" в сопровождении истребителей прикрытия.

Тваури внутренне собран, хладнокровен. Не вдруг научил он смирять сильно бьющееся сердце, не вдруг обрел спокойствие воздушного бойца. Проще простого попасть в лапы страха, если думаешь в бою только о своей жизни. Только о ней, и ни о чем больше. Георгий научился мысли о себе отодвигать на задний план. Он думал о тех, кто рядом с ним, старался не допускать ошибок в воздухе. Многосложные элементы боя он сводил к следующему: обезопась себя, защити товарища.

То, что увидели летчики на бурых большаках, было впечатляюще: на большом расстоянии, соблюдая интервалы,

двигались штурмовые орудия, артиллерия на мехтяге, катили мотоциклы. Каждый поворот бесчисленных пропыленных колес приближал моторизованную армаду к Сталинграду.

Над дорогами висела пыль. Сквозь густую серую навесь успели открыть по нашим самолетам пристрелочный огонь зенитные орудия. Тускло светящимся пунктиром с земли потянулись те же знакомые нити, и так же привычно приходилось лавировать между ними, доворачивать, отводить машину в стороны... Вот и долгожданная команда ведущего: "Атака".

Под плоскостями штурмовика капитана Гребенькова вспыхнуло пламя - к вражеской колонне устремились эрэсы. Пуск реактивных снарядов - зрелище впечатляющее, особенно для ведомого, который видит момент пуска небольших, но сильных ракет. Огонь от пуска эрэсов пройдет под крыльями быстро, но огонь, произведенный ими на земле, полыхает долго. Снаряды Гребенькова и на сей раз легли, как выражались летчики, "в десятку".

Кто-то прокричал короткую ликующую тираду. Тваури успел только расслышать в наушниках: "Лихо!".

"Конэчно, лыхо!" - подтвердил Гога, спуская с "привязи" пару своих эрэсов в то место, где в замешательстве остановились мотоциклы, штурмовые орудия.

Любил Тваури бомбить групповые цели: есть выбор. Нравилась паника в стане врага. Казалось, сама тень от штурмовика, проносящаяся по земле, подкашивала, как бурьян, убегающего в стороны неприятеля.

Снаряды вспарывали твердь укатанной дороги. Осколки пробивали бензобаки, шины, борта машин.

Никто из штурмующей группы не удивился, увидев приближающиеся с запада "мессеры". Сделав еще по заходу над целью, Гребеньков собрал группу в оборонительный круг.

Несколько стремительных атак вражеских истребителей не могли расчленить сомкнутый строй штурмовиков. "Мессеры" подлаживались к ним слева и справа, старались занять выгодную по высоте позицию, но напарывались на огонь пулеметов и пушек. Да и наши истребители несли недремную службу, сковывая атаки врага.

Мотопехота врага тем временем все удалялась и удалялась. Обрадованная поддержкой с воздуха, она по-немногу вновь стягивалась к большаку, надеясь, что завязавшийся воздушный бой не позволит русским предпринять новые атаки.

Но у капитана Гребенькова были иные мысли. Он только и дожидался, когда сольются на дорогах войска, чтобы вновь произвести стремительную атаку.

Когда "мессеры" разминулись со штурмовиками после очередного неудачного налета, ведущий приказал идти за ним на цель. И повторилось то же самое, что и в первые штурмовки, с той разницей, что помалкивали зенитные орудия, боясь ненароком угодить в своих. Снова мелькали перед глазами летчиков "мессеры", снова разрушительная сила бомб рассеивала колонны пехотинцев, парализовывала технику.

Когда успел зачадить летящий слева "мессер", Гога не заметил. Он был чуть выше штурмовика, не сбавь Тваури скорость, он мог бы столкнуться с этой дымящейся головешкой. "Ил" рассек дымовую завесу, оставленную "мессером".

- Двадцать пэрвый? Чья это работа?

- Кто-то из наших истребителей прикрытия.

- Маладэц!

В наушниках прозвучал приказ собраться в строй и отходить на свой аэродром. Казалось бы, все шло хорошо. И все же произошло непредвиденное: вражеский снаряд попал в бензобак штурмовика, идущего под номером "27". Тваури хорошо знал младшего лейтенанта Вдовенко, ведущего самолет. Острослов, большой знаток и любитель веселых украинских песен, он нравился Гоге. И вот Вдовенко только и успел перевести штурмовик в крутое пикирование...

Эта потеря заставила быть еще собраннее.

Вражеские истребители все еще преследовали штурмовиков. Особой наглостью выделялся "мессер" с драконом на фюзеляже. Тваури приметил его еще во время штурмовки мотопехотной части. Ме-109 молниеносно ускользал от пушечного и пулеметного огня штурмовиков. Резко взмывал, стремительно падал.

При очередном приближении "мессера" Георгий несколько раньше нажал гашетку управления пулеметами и задержал на ней пальцы до тех пор, пока "желтобрюхий" не сделал резкий поворот на правое крыло. Гога внутренне успел поверить в положительный исход своей атаки. Что-то подсказывало ему: на сей раз "дракон" получил свое.

Какое-то время истребитель противника валился на правое крыло, потом сделал попытку выровняться, но не тут-то было. Он еще трепыхнулся и вдруг по касательной понесся в сторону запруженного техникой большака.

"Допрыгался, гад!" - радостно крикнул Тваури. Это был его первый сбитый фашист.

Приближались холода. В полк прибыл дивизионный инженер Андреев, проводил инструктажи, знакомил пилотов, техников с работой машин в зимних условиях. Зыков, Тваури, другие

однополчане охотно посещали такие занятия. Каждый новый штрих, новый секрет могли пригодиться в полете. Штурмовик надо проверять и готовить на земле - непреложный закон. Инженер рассказал об особенностях эксплуатации матчасти при низких температурах.

Затем выступил помощник командира полка по воздушно-стрелковой службе капитан Клименко. Его любили летчики. Клименко не отсиживался в штабе поднимался в небо в качестве стрелка, сам водил самолет на штурм вражеских позиций. Часто он помогал оружейникам подвешивать реактивные снаряды, бомбы. Он давал стрелкам и летчикам деловые советы, наставления, учил избегать непредвиденных случаев в боевой обстановке.

Прямо с занятий командир полка вызвал Зыкова и Россохина к себе - друзей он часто посылал на задания вместе.

- Готовьтесь в разведку. Тщательно проверьте фотооборудование. Ты, Россохин, сибиряк?

- Уральский я, товарищ майор. Из Тавды.

- Охотник?

- Приходилось охотиться, рыбачить.

- Зимой хорошо по снегу зверя выслеживаешь?

- Все как на ладони видно: где рысь прошла, где белка-летяга своими перепонками снег задела, где заяц пропрыгал.

- Вот и летите на разведку. Посмотрите, где фашистский зверь пробежал, по первому снегу следы оставил.

Поднимая шлейфы снежной пыли, самолеты оторвались от земли. Там, за линией фронта, звери поопаснее волков и рысей - многими хищными стаями разбрелись по русской земле. Не одна вражья стая уже угодила в хитропридуманные ловушки: окружена, истреблена. Самая большая ловушка приготовлена возле Сталинграда. В котле двадцать две отборные фашистские дивизии - вся сталинградская группировка врага. Фашисты предпринимали отчаянные попытки вырваться из кольца, но с каждым днем кольцо окружения сжималось все сильнее. Наши летчики перехватывали и совместно с зенитной артиллерией уничтожали транспортные самолеты, пытавшиеся доставить обреченным немецким войскам продовольствие, теплую одежду, боеприпасы.

Штурмовики под охраной истребителей миновали линию фронта. Летчики всматривались в белизну степи.

Кое-где среди крахмальных равнин серели земляные холмы. На белом фоне хорошо выделялись темные скосы оврагов, окопы, траншеи, противотанковые рвы тихо лежала сейчас земля.

Видимость стала хуже. Снизились до двухсот метров.

Россохин заметил в леске какие-то плохо замаскированные орудия, передал по рации Зыкову. Опустились еще ниже, пронеслись над редколесьем на бреющем полете.

Опытные разведчики определили: деревянные пушки, раскрашенные под металл, - ложные артпозиции. Летчики знали - настоящие пушки выжигают перед собой площадку, сошники при отдаче образуют в земле ямы. Не было возле хитрых ловушек и ровиков для боеприпасов.

Разведывательные полеты нравились Зыкову. Он обнаруживал и передавал по рации о скоплении танков и пехоты, рассекречивал аэродромы и настоящие, не ложные, артиллерийские позиции. По его устным донесениям и материалам дешифровок поднимались группы штурмовиков, бомбили переправы через Дон, технику, склады. Приходилось летать и на проверку маскировки наших войск.

Увидели накатанные дороги, блестевшие под неярким солнцем. Прошли курсом этих дорог. Они вели к лесу. Вскоре показались плоские крыши каких-то хранилищ, ряд вышек для охраны, большая подъездная площадка, где валялись по сторонам бочки, мотки колючей проволоки, бревна, поломанные кузова машин.

Земля встретила шквальным огнем.

Взяли курс на северо-запад. Пролетели над опустевшими хуторами, над разбомбленным ранее аэродромом. Исправные машины успели перебазировать, на ровной площадке валялись искореженные фюзеляжи, крылья, шасси.

Погода начинала заметно портиться. Дали затягивались сплошными тучами. Опустились ниже, следуя над кромкой леса. Заметили изрытую широкую колею дороги - она была изрубцована гусеницами. Не трудно было догадаться, что здесь прошли танки. Они спешили в лес во время снегопада, надеясь, что снег заметет их следы. Но снежок лишь чуть-чуть припорошил дорогу, оставив на виду следы от гусениц.

Сначала танки шли одной колеей, затем разбрелись на маскировку. Одни из них затаились на дне неглубокой балки, другие - в леске под камуфляжными сетками, третьи...

Вскоре в районы скопления военной техники врага летели группы штурмовиков. Успешной была разведка, успешной - и штурмовка обнаруженной вражеской техники.

Привычным боевым строем без потерь возвращались на приволжский аэродром самолеты. Лишь на фюзеляже россохинского штурмовика от бокового попадания снаряда пролегла вмятина.

Небесные ратники

После полетов летчики по старой доброй традиции делились впечатлениями, говорили об удачах, не умалчивали о просчетах. Своеобразная учеба шла на пользу не только новичкам, но и асам.

Мастера воздушных боев Анатолий Кадомцев, Борис Гребеньков, Григорий Копаев, Иван Бибишев, никогда не унывающий Гога Тваури, Юрий Зыков неоднократно летали на бомбежку аэродромов, танковых колонн, привозили ценные данные после воздушной разведки. Командир первой эскадрильи капитан Кадомцев считался не только мастером дневных штурмовок - он метко разил врага и ночью. Не раз приносила ему успех "совиная охота".

В сложных метеоусловиях ходил на задания штурман полка капитан Григорий Копаев, лейтенант Иван Бибишев - этот любимец полка часто летал без прикрытия. Посадит штурмовик, заправит баки горючим, возьмет бомбы и снаряды - и снова в небо. Однажды прилетел с бомбежки ночью. Земля, закутанная туманом, была едва различима. По рации передали Бибишеву: садись на запасной аэродром. Но он все же почти вслепую приземлился на своем.

То в одной, то в другой группе летчиков был слышен говорок и смех Гоги. Он часто напевал какую-нибудь шуточную песенку.

В полете, когда перед ним вырастали горы облаков и туч, Гога думал о других, настоящих горных вершинах своей родины.

Сколько раз, наблюдая в детстве за полетом орлов, Георгию самому хотелось взлететь. Миновала годы, и вот он стал орлом и водит на штурм вражеских позиций боевой штурмовик.

Юрий Зыков любил своих однополчан той проверенной братской любовью, которая с годами не скудеет. Особенно ему нравился Клименко, его требовательность, умелый подход к летчикам. Капитан Клименко мог полететь и за стрелка, и за штурмана. Он не просто приобщался к небу войны, но наряду со всеми работал в нем, и работал отлично. Капитан мог непосредственно наблюдать за ведением боя и на тактических занятиях безошибочно указывал на промахи летчиков.

Незаурядным человеком, по мнению Зыкова и его товарищей, был Борис Гребеньков. Он обладал многими качествами и главным - бесстрашием. Раз умудрился посадить штурмовик на минное поле - левое колесо оставило след в метре от мины.

Борис знал много стихов, прекрасно исполнял арии из опер.

Выпадали на войне и дни затишья, обманчиво похожие на мирные дни. Появлялось время, свободное от огненной страды, и тогда летчики предавались воспоминаниям, и... приходила непрошеная грусть...

Военный совет и политуправление Сталинградского фронта

призывали бойцов теснее сжимать кольцо окружения врага под Сталинградом. В полк с почтой прибыли новые листовки. На одной из них была помещена карта с обозначением линии фронта до наступления наших войск. В листовке говорилось: "Противник зажат в двойное стальное кольцо... С треском провалились планы Гитлера о захвате Сталинграда, о зимовке на Дону и Волге... Воин-богатырь, быстрее истребляй фашистское зверье! Освобождай путь для дальнейшего наступления наших войск. Помни, что твоя победа под Сталинградом означает начало катастрофы гитлеровской армии..."

Пришла зима, русская, ядреная. Иногда над степями бушевали жестокие метели, дули пронизывающие ветры. Небо подолгу оставалось мглистым, неприютным.

В один из таких морозных дней штурмовой полк Максима Склярова получил особое задание: блокировать аэродромы в кольце окружения, перехватывать и уничтожать транспортные самолеты, доставляющие осажденным дивизиям боеприпасы и продовольствие.

В этот день патрульные штурмовики и истребители принудили сесть на наш аэродром два немецких транспортных самолета. Отсеки воздушных грузовозов были набиты тюками с меховыми куртками, эрзац-валенками, рукавицами, ящиками с тушенкой, галетами, мороженой рыбой.

На мелкомасштабной карте район окружения немецких войск можно было прикрыть пятикопеечной монетой. Зыков, неоднократно летающий туда, знал, что территория та немалая, что на пятачке находится много танковых и моторизованных дивизий, аэродромов, подразделений пехоты.

С самого начала войны командир полка Скляров приучал понемногу летчиков к полетам в сложных метеоусловиях. Война есть война, иногда не приходится ждать у неба погоды. Будешь ждать - многое потеряешь. На штурмовку аэродрома "Оськинский" командир полка выбрал лучших летчиков. Ведущие - Филиппов, Кадомцев, Гребеньков. Среди ведомых - Россохин, Тваури, Зыков.

Второй день стрелка барометра, висящего в штабе полка, показывала "бурю". И как бы доказывая непогрешимость прибора, за окнами свистело и выло, наметало под самолеты и на землянки сахаристую крупчатку.

Скляров ждал "окна" в небе, чтобы через это окошко выпорхнули его соколы, полетели долгожданным курсом. Он прихлебывал крепкий чай и, кивнув на мутное окно, проговорил:

- Никто лучше Пушкина о такой погодушке не сказал:

Домового ли хоронят,

Ведьму ль замуж отдают...

- Точно, - подтвердил Клименко. - Рано нынче зима стала трясти своим малахаем.

- Ничего, пусть трясет... быстрее душу из фрица вытрясет...

Наконец появилось "окно".

Еще колобродил ветер, мела поземка и стрелка барометра нехотя отшатывалась к "переменно", когда Скляров приказал:

- Пора!

Часто летали на штурмовку прямым курсом. Сейчас же был четко обозначен на карте контрольный поворотный пункт. Знал Скляров, когда надо сделать обходной маневр. Давая последние наставления, сказал:

- Как и прежде, надо строго выдержать курс, высоту, скорость. "Мазурку" в небе не танцевать. От контрольного поворотного пункта - на бреющем. На подходе к цели набор должной высоты, ну а там вас учить нечему.

Сидя в ревущем штурмовике, Зыков посматривал на приборы.

- Ну, сивка-бурка, пойдем побороним! - произнес рассудительно Юрий и привычным взглядом осмотрел кабинное хозяйство.

Глаза задержались на бронестекле, прицельной сетке. Много раз ловил он в эту "сеть" танки, машины с пехотой, вражеские пушки...

Шли над хмурыми тучами. По мере приближения к цели они понемногу рассеивались. Вверху, на бледной голубизне неба, кудрявились облака.

Вот и контрольный поворотный пункт - островок леса, похожий с высоты на утюг. Нос "утюга" вытянулся почти в направлении фашистского аэродрома. Прижимаясь к правой кромке леса, пошли на бреющем. Затем набрали высоту до трехсот метров и, сбавив обороты двигателей, точно вышли на цель.

Днем раньше дивизионная разведка донесла, что горючее фашистским самолетам привозят издалека. Колонну бензозаправщиков, направляющихся к аэродрому, сначала подвергли усиленному обстрелу наши артиллеристы. Досталось вражеской колонне и от летчиков.

Били эрэсами по колонне бензозаправщиков - широко по заснеженному большаку погнало гриву едкого дыма в сторону аэродрома, где осталось лежать двенадцать разбитых самолетов врага.

Подоспевшая на помощь четверка Ла-5 завязала бой с истребителями врага и подожгла одного "мессера". Зачадив, он пошел резко на вынужденную посадку, сделал большого "козла", скапотировал и загорелся.

Неделю спустя был произведен налет на другой аэродром - близ совхоза "Питомник" - он находился в восьмидесяти километрах северо-западнее Сталинграда. Скляровцы обломали крылья еще девятнадцати фашистским самолетам. Юрий Зыков точным бомбометанием уничтожил трех "фоккеров".

В первой декаде декабря началось перебазирование полка на новый аэродром. Вокруг заснеженные степные неоглядные равнины. Степные ветры перегоняли с места на место барханы снега, оголяя промерзшую землю.

В соседнем совхозе расположили летный и технический состав, зенитный дизизион, батальон аэродромного обслуживания. Нашли место под штаб, столовую.

На второй день провели открытое партийное собрание. Об особой ответственности, о дисциплине в военное время говорили на собрании и коммунисты, и беспартийные.

- На новом месте, - сказал комполка, - мы должны работать лучше... Враг не сломлен, но согнули мы его хорошо. Не дадим возможности подняться с колен. Наша задача: совместно с наземными войсками окончательно уничтожить сталинградскую группировку и погнать врага до Берлина.

Капитан Клименко говорил о недопустимости нарушения строя в воздухе, о выборе способа атаки цели.

В полку широко изучался опыт ведения воздушных боев, постигалась новая тактика противника, велась подготовка воздушных стрелков.

Изучение пулемета и теории стрельбы было основой обучения стрелков. Здесь капитану Клименко неоценимую помощь оказывали воздушные снайперы Владимир Большаков и дважды орденоносец Василий Сорокин. Большаков поучал новичков:

- Стрелок не должен проявлять суетливости. Надо спокойно и тщательно целиться и встречать вражескую машину метким огнем. Спокойствие, расчет, осмотрительность, меткость - вот основные качества стрелков.

На полигоне специальная лебедка тросом вытаскивала из капонира макет самолета. Новички дружно строчили по нему из пулеметов. Тренировались они на совесть. Еще бы, ведь воздушный стрелок - щит летчика.

- Главное, ребята, - делился опытом Большаков, - небо надо меньше дырявить. Ничего, не горюйте: научитесь воевать.

Шли последние дни сорок второго года. Немцы предприняли много попыток вырваться из сталинградского окружения, но разжать тиски наших фронтов не могли. И вот стали сдаваться в плен взводами, ротами, батальонами.

Но на подступах к Сталинграду все еще продолжались ожесточенные бои. В десяти километрах от города, под Орловкой, было большое скопление танков. По нескольку раз летали туда на бомбежку советские летчики. После одного такого налета в полк приехал корреспондент фронтовой газеты. Отыскал капитана Гребенькова, подробно расспросил о последних боях, а затем попросил:

- Расскажите, товарищ капитан, о наиболее памятном для вас воздушном бое.

- Все они памятные, вот хотя бы последний. Семнадцать танков уничтожили. Храбро сражались Зыков, Тваури, Россохин, Клименко, Большаков...

- И все-таки - о себе.

- Работа как работа... Трудноуязвимую цель, особенно бронированную, надо подвергать многократным атакам. В последнем бою до цели мы шли в правом пеленге, не нарушая плотного строя. Высота была около километра. Настигнув танки на исходных позициях, стали выбирать самое удобное направление атаки. Перед пикированием предупредил ведомых: "Не бросайте сразу все бомбы, приберегите для повторных атак". Для обеспечения свободы маневра увеличили интервалы и дистанции, необходимые для индивидуального прицеливания, - общий строй, конечно, не теряли. Били по нам зенитки и танки - огонь был сильным. Пикируя, я поймал в прицел один тяжелый танк, плавно взяв ручку на себя, через мгновение нажал кнопку бомбосбрасывателя. На тренировках таким способом несколько раз добивался прямого попадания в мишень - сейчас бомбы тоже легли точно... После первой атаки, набрав высоту, развернулись, изменив направление атаки на сто восемьдесят градусов. Снова появились над целью, увидели свои результаты: горело четыре танка. Внеся нужные поправки, повторили бомбардировку, пикируя с четырехсот метров. По броне мы били из пушек с короткой дистанции. В колонне были бензозаправщики, автоцистерны, транспортные машины. Мы обстреляли их из пушек и пулеметов. Подавили несколько зенитных установок...

Военкор, не перебивая, записывал и записывал в блокнот. Гребеньков умолк, и корреспондент спросил:

- Вы не будете против, если я подготовлю для газеты этот ваш рассказ? Я почти дословно все записал - пусть другие летчики учатся на вашем опыте.

- Только вы всех наших парней отметьте, - и рассказал об отличившихся.

- Не забуду, всех отмечу.

Летчики совершали в день по пять-шесть вылетов.

Изматывались. Уставали и оружейники, заряжая пушки, пулеметы, подвешивая бомбы и реактивные снаряды. Нина Полунина и ее подруга Маша Рябова едва успевали прочищать пулеметы, пушки. В течение десяти - пятнадцати минут они подготавливали "Ильюшин" к новому вылету.

Часто летчики сами помогали устанавливать под плоскостями эрэсы. Девушки вворачивали в них взрыватели. Борис Россохин неотлучно находился возле Кати Шориной. Незаметно для других касался то ее руки, то плеча. Воспоминание о девушке согревало в тесной пилотской кабине... У Юры Зыкова были свои дорогие воспоминания. В полку он не особенно делился сокровенными чувствами, оставив их для себя, для своего сердца. Когда в его поселке Сокол осень разукрашивала сады броскими красками, он любил бродить с Люсей по тенистым аллеям, по улицам Тропинина, Поленова, Врубеля. Рядом тянулись живописные улочки, дома с плоскими и островерхими крышами. Шумел красочный листопад, но у молодых была в душе не осень - весна...

Подошел фронтовой Новый год. Вместо разноцветных елочных игрушек вспыхивали в разных направлениях яркие отсветы ракет, вычерчивали траектории трассирующие пули.

В столовой накрыли праздничный стол. Полковые повара приготовили большой торт. На нем рубиновыми буквами полыхали слова: "Смерть немецким оккупантам!" Майор Скляров хотел сперва отругать поваров: "Не могли написать что-нибудь поприятнее - "С Новым годом!", например, но потом решил - пусть останется. Пусть в эту новогоднюю ночь помнят соколы его полка - враг еще не сломлен, но его ждет заслуженное возмездие...

Январь для Зыкова оказался памятным месяцем - получил два ордена: Отечественной войны II степени и орден Красного Знамени. Сталинградская битва завершилась. В боях за приволжский город Юрий Зыков произвел пятьдесят восемь боевых вылетов, уничтожил немало танков, машин, зенитных орудий, самолетов...

За большие заслуги в разгроме сталинградской группировки полку было присвоено звание 59-й гвардейский штурмовой авиационный полк.

Восьмого мая гвардейцы обосновались на аэродроме Щигры, чтобы принять участие в грандиозном сражении на Орловско-Курской дуге.

В Щиграх, как и везде, где базировались ранее, перед большими, наиболее ответственными заданиями, выносили на аэродром полковое знамя, давали клятву сражаться насмерть. Заставляло это быть внутренне собранным, лететь на задание в

душевно приподнятом настроении. Один за другим летчики уходили в бой, но долго еще майский ветер развевал красное полотнище - знамя как бы тоже просилось в полет, вслед за улетающими соколами. Многие, к сожалению, не возвращались назад. Смертью храбрых погибли Ромашенко, Грошев, Ализаренко, Сандрыкин...

Когда умолкали орудийные раскаты, слышны были переливчатые рулады курских соловьев. Сорокин слушал их с упоением, успевая загибать пальцы. -.. . третье, четвертое, пятое колено. Но вот вновь прокатывался долгий орудийный гул, и вновь "илы" уходили на задания.

Во всех полках 16-й воздушной армии подробно прорабатывался приказ Верховного Главнокомандующего: не отдавать врагу ни одной пяди отвоеванной земли, доставшейся ценой многих жизней.

По нескольку боевых вылетов в день совершали гвардейцы-скляровцы. Не хватало техников. Летчики сами помогали ремонтировать самолеты.

Гвардейцы методично наносили удары по переднему краю обороны противника, парализуя его, содействуя продвижению наших войск. Летное мастерство, приобретенное под Сталинградом, помогало громить врага на Центральном фронте. В послужном списке у Зыкова появились новые уничтоженные танки и самолеты, блиндажи и пушки врага. Юрия повысили в звании: был сержантом, - надел лейтенантские погоны, стал командиром звена.

В середине мая звено штурмовало железнодорожную станцию Комаричи. На подходе к станции встретили четыре пары "фоккеров". Штурмовики встали в хорошо отработанный оборонительный круг и массированным пушечно-пулеметным огнем заставили повернуть их назад. Умело маневрируя по высоте и направлению, штурмовики вышли из опасной зоны зенитного огня без потерь.

Снова появились "фоккеры". Стрелкам Большакову и Сорокину удалось сбить двух. Один, потеряв управление, охваченный пламенем, врезался в железнодорожную насыпь.

Километрах в пяти от станции лейтенант Зыков увидел спешащий в направлении Курска большой эшелон. Опытный глаз разведчика определил: вагоны тяжелогруженые. Паровоз тянул из последних сил. Черная грива дыма почти стлалась над крышами вагонов. С площадок из автоматов хлестали по "Ильюшиным" охранники. С нескольких платформ били зенитные установки.

Была такая привычка у Юрия: перед бомбометанием старался поудобнее усесться, подергиванием плеч разминал мышцы, до

хруста сжимал и разжимал пальцы рук.

Упавший ранее "фоккер" развернул полотно сзади состава. Пришла мысль разбомбить путь перед эшелоном: набравшие скорость вагоны, давя друг друга, сами решат свою участь... Бомбы легли метрах в восьмидесяти перед разгоряченным паровозом. Начиненная огнем и паром машина достигла вскоре места, где валялись погнутые рельсы, расщепленные шпалы, где медленно оседала густая черная пыль.

Паровоз начал заваливаться. Потом загрохотал с насыпи, увлекая за собой вагоны, цистерны с горючим, платформы с зенитными установками. Лопались по сварочным швам черные цистерны с соляркой, бензином. От взрыва парового котла расшвыряло по разлитому горючему куски пылающего антрацита. Когда Зыков развернул штурмовик, он увидел привычную для него картину: взрывались вагоны, взметывались столбы огня, в смерчевом вихре крутило дым, будто земля выдыхала из своих недр зловещую тучу...

Гвардии майор Скляров, спокойно выслушав об успешном выполнении задания, разрешил Юре идти отдыхать.

- Товарищ майор, сегодня надо бы еще разок слетать.

- Цель хорошую приметил?

- Цель будет. Ведь предстоит сотый вылет, товарищ майор. Хочется для круглого счета...

- Разрешаю, лейтенант. Только полетишь ночью. Вот здесь, - комполка ткнул в красный кружок на карте, - крупный аэродром Хомуты, Направляем четыре звена. Возьмем, как всегда, внезапностью. Вот и будет твой сотый ночной вылет памятным.

С лугов налетал ласковый ветер, пахло клевером. В землянках у прибористок и оружейниц стояли на перевернутых ящиках большие букеты васильков, ромашек, колокольчиков. Когда гремели вдалеке орудийные выстрелы - голубенькие головки цветов, казалось, испуганно вздрагивали от земного сотрясения. Юрий зашел в землянку предупредить Нину и Машу. Пусть подготовят штурмовик к ночному полету.

- Не беспокойтесь, товарищ гвардии лейтенант, все сделаем в срок.

Выйдя из землянки, Зыков направился к самолету. Механик Егоркин осматривал мотор. После открытого партийного собрания технический состав стал еще серьезнее относиться к своим обязанностям. Прекратились случаи вынужденных посадок из-за неисправности моторов.

- Помочь? - спросил Юрий механика.

- Да нет, не надо. Вот только маслопроводку проверю да немного подтяну рули высоты.

Подняв в составе группы нагруженный бомбами и реактивными снарядами свой "Ильюшин", Зыков огляделся по сторонам. Было хорошо от сознания, что рядом летят товарищи. Курс - аэродром Хомуты.

За бронестеклом тусклые звезды Млечного пути. Над линией фронта более оживленная картина: вспыхивают прожекторы, скользят лучами по земле. Световым пунктиром пролетают трассирующие пули. То там, то здесь видны росчерки зеленых и красных ракет, зарницы орудийных выстрелов. Передовые позиции живут никогда не дремлющей жизнью, всегда начеку. Внизу искривленная многокилометровая линия фронта.

Поглядывая на часы, Зыков немного беспокоился - по расчетному времени должны быть Хомуты. Но внизу- темно, хоть бы огонек. Однако пилоты и не ожидали увидеть их. Немцы стали как никогда осторожны, соблюдают тщательную маскировку. Юрий хотел посоветовать Филиппову пойти на снижение, разглядеть землю с малой высоты, но тот его опередил:

- Двадцать первый, снижаемся до двухсот. Пощекочем нервишки фрицам чем-нибудь выдадут себя. Надеюсь на прожекторы.

Пошли на снижение. Не отрывая взгляда от высотомера, Юрий не забывал о земле. Иногда ему казалось, что он различает силуэты самолетов, какие-то постройки.

Кружились минуты три. Отделившись от группы, два "ила" набрали высоту и сбросили светящие авиабомбы. Неожиданно вспыхнул прожектор, возведя к небу световую колонну. Второй луч, третий... пятый. Один яркий столб чуть не коснулся Юриного штурмовика, гигантским шагом переметнулся вперед, поймав в световую сферу впереди летящую машину. Заработали зенитки, принялись закидывать в небеса дымные шапки, заметные при свете прожекторов. Филиппов знал, что медленным доворачиванием "Ильюшина" не уйти от навязчивого света, поэтому резко взял ручку управления на себя. Глаза больше не слепило. Беспокойно заметались лучи, упустив свою цель.

Поднятые по тревоге фашисты бежали в укрытия. На них сыпались бомбы. Со свистом, прочеркивая яркие огненные следы, летели эрэсы. На аэродроме царила паника. Было видно, как один "мессер" начал выруливать на взлетную полосу, но две рядом разорвавшиеся бомбы отсекли ему правое крыло. От взрыва истребителя ярко озарилась аэродромная полоса.

Со второго захода ведущий Россохин погасил прожекторную установку. Бомбы Филиппова угодили на спрятанные за земляным валом бензозаправщики. Свету теперь было много. Горели автомашины, самолеты, постройки, пылали резервуары с

горючим.

Несколько истребителей успело подняться в воздух. Завязался ночной бой. Пришла работа стрелкам. Во время очередного захода в левое крыло штурмовика Филиппова угодил осколок зенитного снаряда. Сильного вреда он не причинил. Можно было еще маневрировать. Его стрелку Сорокину пришлось отбиваться от двух "фоккеров"-ночников. Уже при отходе на свою территорию Сорокин был ранен, но не давал замолкать своему пулемету. Он не ощущал вгорячах, как на сиденье все шире растекается лужица крови...

Недели через две из госпиталя пришло от Сорокина письмо:

"Привет гвардейцам! Не забыли еще меня? Смотрите не забывайте! Скоро вернусь в родной полк, хотя тут медицинские дяди и тети все уши прожужжали, что мне больше не летать.

Нет! Шалите! Небо от Сорокина не уйдет. Из нашей деревни мужики выходили настырные. Все равно пробьюсь к вам, дорогие мои ребятушки... Бок и плечо залатали как могли, но рука еще висит плетью - корябаю вам письмо левой. Второй день пишу, не ругайтесь за пьяные буквы. Тяжело учиться заново писать... Юра, черкни, как вы там живете, воюете? Скажи бате, чтобы он замолвил за меня словечко, написал в наш госпиталь. Так, мол, и так -, верните Сорокина в полк гвардейский, без него нам плохо. Скажи - Скляров добрый, он вызволит меня отсюда..."

Сорокин вернулся в полк через два с половиной месяца. Как раз в это время устанавливали новые приспособления для пуска реактивных снарядов.

Внимательно осмотрев новинку, Зыков похвалил инженеров. Получилось отличное усовершенствование. Он дотошно расспрашивал техников о тонкостях приспособления, когда к нему подошел стрелок Большаков.

- Товарищ лейтенант, вас командир полка вызывает, - сказал он Зыкову.

- Не знаешь, зачем?

- Нет. Говорит: разыщи немедленно.

Стрелок знал, зачем Скляров вызывает Зыкова, но получил приказание молчать.

Юру ожидала большая радость: в Щигры после выполнения задания своего министерства заехал отец. Пока ходили за сыном, Николай Александрович расспрашивал майора Склярова о жизни в полку, о том, как воюет сын.

- Скажу вам по секрету, Николай Александрович, гвардии лейтенант Зыков получит скоро второй орден Красного Знамени. Мы им гордимся.

Спустя тридцать лет отец расскажет в своих воспоминаниях о

встрече в полку.

"На попутных машинах добираюсь до Щигров. Ищу пятьдесят девятый штурмовой полк. Спрашиваю у встречных военных. Люди, узнав, что я отец летчика и хочу с ним встретиться, приветливы со мной, каждый сочувствует и хочет помочь. Эта их доброта сопровождает меня до самой дубовой рощи, где базируется полк сына. Подхожу к часовому, все объясняю. Боец расплывается в улыбке, вызывает дежурного. Меня ведут на контрольно-пропускной пункт полка. Знакомлюсь с командиром полка Скляровым, его заместителем по политчасти Гребеньковым. Они немало удивлены моему появлению. Первый такой случай в их полку.

Мы идем к столовой. Оттуда, из дощатого сарая, расходятся после обеда летчики. Юра ушел раньше. Разыскивают его возле самолета... И вот через летное поле идет мой сын...

В жизни каждого из нас есть несколько - может быть, два-три случая, когда трудно унять биение сердца. Тогда и я пережил это.

Он приближался к нам - шел три, может, пять минут, - я за эти минуты вспомнил все: как мы с матерью ждали своего первенца... Вспомнил его мальчиком, подростком, юношей... Прощание на Киевском вокзале... Он подошел к нашей группе - там уже собралось немало летчиков, - не замечая меня, стал, как положено, докладывать командиру полка:

- По вашему вызову явился!

Многие улыбаются, а Юре и невдомек, в чем дело.

- Вы, гвардии лейтенант, чем заняты после обеда?

- Решил, если разрешите, практически освоить новое приспособление для пуска эрэсов с самолета.

- На сегодня отставить... на сегодня можете быть свободным. Побудьте с отцом, - и с этими словами он повернул его в мою сторону.

Юра удивлен, даже растерян. Может быть, впервые ему изменила его выдержка.

- Папа!.. - и он сгреб меня в свои объятия, стал кружить, целовать.

А кругом смеются, приветствуют меня, радуются. Я почувствовал тогда, какие они все мне родные, дорогие люди. И как любят сына... Мы долго обо всем говорили. Они спрашивали меня, как живет Москва, не голодно ли москвичам. Рассказывали о своей фронтовой службе. Я всматривался в их юные лица и понимал, как эти юноши мужественны, как ненавидят врага.

Затем мы остались с Юрой одни. Беседовали до глубокой ночи..."

Летчики тогда просили Николая Александровича рассказать

о себе. Интересней была исповедь ветерана труда.

Долгое время ему пришлось работать на хозяев акционерного. общества мальцевских заводов. Учеба в сельской приходской школе, работа рассыльным на Цементном заводе, молотобойцем в кузнице. Слесарничал на Брянском машиностроительном заводе, имеющем тогда большие революционные традиции. Вместе с рабочими завода организовывал забастовки, распространял большевистскую литературу, за что подвергался преследованиям царской охранки.

В период февральской революции в Москве молодой большевик Николай Александрович Зыков участвовал в революционных событиях, проводимых под руководством московской партийной организации. Работая на военном заводе, активно пропагандировал ленинскую газету "Правда" среди рабочих Басманного района. К октябрю семнадцатого года Николай Александрович имел уже за плечами большой опыт подпольной работы, мог доходчиво объяснить рабочим, во имя чего они ведут борьбу. Сам прошедший суровую школу жизни, большевик быстро находил общий язык со слесарями и литейщиками, грузчиками и кузнецами.

В первые дни Октября Николай Александрович становится организатором Советской власти на Брянщине. Его назначают председателем Любохонского волостного исполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. А через некоторое время избирают начальником Брянского земельного управления. Земля! Приятно было видеть, как загорались глаза у крестьянина, получившего земельный надел. Мужики сбросили с себя вековую дрему, готовясь к жизни свободной и новой. Такие же пытливые взгляды встречал Николай Александрович в Москве на VIII съезде Советов, делегатом которого был избран брянскими рабочими.

Юрий слушал отца, и законная гордость просыпалась в его сердце.

Отец закончил рассказ и, подойдя к сыну, положил на плечо руку:

- Не пора ли тебе, Юра, вступать в партию?

- Давно, давно пора, - поддержал Гребеньков.- А рекомендацию тебе любой коммунист даст, хоть и я.

У родного очага

Наутро Юрий получил приятную весть: командир полка посылал его за самолетами в Москву. Не менее Юрия был обрадован и отец. Сын побывает дома, встретится с матерью, Лилей, Эвиром. Их он не видел целых три года.

Об одном сожалел Николай Александрович, что не сможет лететь вместе с сыном.

Юрий поднял штурмовик в воздух, сделал над аэродромом круг и, качнув на прощание крылом, взял курс на Москву.

Отец добирался до столицы поездом.

Москва... В осеннем дымчатом небе сонно повисли аэростаты заграждения. А великий город жил, работал. Стоял холодный серый день.

Зыков спешил домой. Знакомая насыпь окружной железной дороги. Липы и клены вдоль улицы Левитана. Юрий всматривался в дома, мимо которых проходил, узнавал и не узнавал их. В первые минуты он даже сразу не приметил своего двухэтажного бревенчатого дома с островерхой крышей. Потом память разом воскресила все... Он быстро взбежал по ступенькам крыльца, с силой распахнул податливую дверь и чуть не столкнулся с матерью, выходящей с хозяйственной сумкой.

- Ма! - совсем по-мальчишески вырвалось из груди.

- Сыночек!.. Родной!..

Посыпались вопросы, Елена Филипповна едва успевала на них отвечать. Эвир в школе, Лиля в институте, сдает экзамены. Отец не вернулся из командировки. Здоровье? Пока ничего, да и болеть некогда - работа, общественные дела, дежурства...

Мать суетилась на кухне. Юра, помогая растапливать плиту, делился новостями, рассказывал о друзьях, о встрече с отцом в Щиграх.

Пришла с работы тетя Паша, мамина сестра, обняла любимого племянника. Перед Прасковьей Филипповной стоял уже не прежний юноша, а настоящий мужчина, воин!

Елена Филипповна любила людей одержимых, упорно следующих к достижению цели. Сама она страстно мечтала стать врачом и стала им. Поэтому всячески поддерживала сына, желающего с детских лет быть летчиком. Сильный, волевой человек, мать привила эти качества и своему любимцу - сыну. Не материнское всепрощение - большую требовательность проявляла она к нему. Елена Филипповна говорила: человек - хозяин своей судьбы. Юрий захотел связать судьбу с небом, и мать одобрила выбор. Она считала, что сын вполне готов идти выбранным путем.

Юрия, Лилю, Эвира поражали в матери многие качества, особенно ее удивительная мудрость и великая убежденность. Ее слово для детей было непререкаемым, авторитет - бесспорным.

Будучи в эвакуации в Сибири, Елена Филипповна познакомилась в заводской столовой с авиаконструктором Туполевым. С большой гордостью рассказывала она о сыне: ведь он у нее летчик, воюет на фронте. Говорила, что после войны сын думает учиться на авиаконструктора...

И вот сын стоит перед матерью - стройный, возмужавший,

ордена посверкивают на груди, золотятся погоны.

Пришли Эвир, Лиля. Юрий ловил восторженные взгляды брата и сестры. Нескрываемая гордость светилась в их радостных глазах. Лиля и Эвир наперебой расспрашивали о боях, но Юра, проявляя сдержанность, отделывался короткими фразами: "всякое бывало", "бои как бои", "приходилось и туго".

Так же, как Эвир, завороженными глазами смотрела на брата Лиля. После она рассказывала о Юре подругам в институте. Брата Лиля не без основания считала смелым и храбрым летчиком, иному бы не дали боевые награды, не повысили бы в звании.

В глазах матери Лиля улавливала такую же гордость за Юру, какую испытывала сама. Долгими были разговоры, уснули лишь под утро.

С блеклым рассветом Юра был уже на ногах. После завтрака отправился на авиационный завод. Выполнив формальности с пропуском, лейтенант в сопровождении инженера вошел в сборочный цех. Там, распластав широкие крылья, стояли штурмовики.

- Вот тут они рождаются, - сказал инженер и многозначительно обвел взглядом весь цех.

Потом он пригласил Зыкова посмотреть на подготовленные к вылету новые самолеты. Они стояли на заводском обширном дворе, совсем недавно оставившие сборочный цех - свою шумную обитель. Им скоро придется окунуться в другую обитель - в небо войны. Юрий пожелал им мысленно: "Счастливых полетов!"

Самолеты, которые предстояло принять для полка, находились вблизи заводского испытательного аэродрома. Проверенные на выносливость, силу и скорость, они дожидались своего часа. Пришлось познакомиться с техническими предписаниями, с результатами испытаний. Машины отбирались придирчиво, строго. На это ушло пять дней.

Вскоре вернулся из командировки отец. С работы он приходил всегда поздно, усталый. При виде сына как-то сразу преображался, начинались долгие разговоры, воспоминания.

- Юрушка, - по привычке нежно произносил отец, - недавно по служебным делам я встречался с начальником академии имени Жуковского. Генерал Соколов-Соколенок спрашивал о тебе, интересовался, как ты воюешь, не утратил ли мечту стать конструктором самолетов.

- Конечно нет.

- Ты знаешь, сынок, он предложил отозвать тебя с фронта на учебу в академию.

- Ну и что ты ответил, папа?

- Сказал, что ты все равно не согласишься покинуть полк. Ответил, что хорошо знаю своего сына и даже не буду заикаться об академии.

- Вот и правильно, папа! Ты же знаешь, как давно я мечтал об учебе в академии, но ведь идет война... разве могу я оставить свой полк, своих ребят...

С Люсей Медведевой Юрий встретился у проходной моторостроительного завода. Взволнованная, девушка от неожиданности только и могла выговорить:

- Юра! Да ты ли это?!

- Я, Люсенька, я. Это абсолютно точно. И не сомневайся. Давай-ка лучше поздороваемся.

Сколько долгих месяцев он готовился к этой встрече. Лежа в землянке, сидя в кабине, - в буднях фронтовой жизни он нередко вспоминал о Люсе. И столько было тепла, нежности и грусти в его чувствах...

И вспомнилось все: ласковые вечера, прогулки по тихим улицам Сокола, незабываемые аэроклубовские дни...

- Ой, Юрик, какой ты стал!

- Каким был, таким и остался...

- Наград сколько...

- Как у вас здесь, тихо?

- Сюда в начале войны прорывались самолеты. Красную Пресню бомбили. На Шелепихе бомбы попали в табачный склад. Был сильный пожар. Теперь тихо.

- Будет еще тише, Люсенька!

- Никак не ожидала такой встречи. Аж сердце оборвалось... Гляжу - ты. Столько времени прошло, а вроде вчера инструктор давал тебе нагоняй за то, что ты называл меня не по аэроклубовскому уставу - Люсенькой. Помнишь? Курсант Зыков!

- Помню. Конечно, помню...

Коротким сновидением показались лейтенанту Зыкову

встречи с родными, с Люсей. Осталось такое чувство, словно он прошел мимо колодца, так и не утолив жажду...

И вновь звало его небо войны.

И снова бой

В полк прибывало пополнение. Прилетали соколы, успевшие испытать силу своих крыльев, прилетали соколята, недавно оперившиеся в летных училищах, пока не обстрелянные фашистскими охотниками. Держались они скромно, прислушивались к разговорам асов, впитывали каждое их слово, жаждали открыть для себя какие-то секреты военной летной науки. Возможно, эти тайны помогут выходить победителями из воздушных боев, невредимо возвращаться на аэродром.

И на себе приходилось ловить лейтенанту Зыкову горячие восхищенные взгляды.

Юрий и сам когда-то испытывал такое же чувство к более опытным боевым товарищам, ища в них поддержки, совета и участия. Теперь и к Зыкову обращались за дружеским советом. Каждая, даже простая деталь, подмеченная в воздушных атаках, считалась частицей боевого опыта, достоянием всего полка, всей армии. Зыков постоянно благодарил в душе аэроклуб - первый начальный класс для тех, кто задумал крепко побрататься с небом, обрести с ним нерасторжимую связь.

По теории и по практике курсант Зыков превзошел в аэроклубе многих своих товарищей. Многие удивлялись той легкости, быстроте, с какими давалась ему летная наука. Не ограничиваясь аэроклубовской программой, Юра много читал дополнительной литературы, просиживая в библиотеке, изучая книги по самолетостроению и метеорологии, интересуясь учеными. Он был страстно влюблен в небо, покорен им. Скрупулезно изучал самолеты, с наслаждением летал.

В полку, уже на войне, он встретился с Костей Воробьевым. Юрий был знаком с ним еще в аэроклубе. Когда Воробьев на фронтовом аэродроме увидел рослую, подтянутую фигуру Юрия, подумал даже, что обознался. Они радостно обнялись. На гимнастерке сержанта Воробьева сияла медаль "За отвагу".

- Рассказывай, как оказался у нас? Где воевал?

- Чего рассказывать? - уклончиво ответил Костя. - Почти все время на У-2 летал. Снабжал партизан медикаментами, продовольствием, боеприпасами. Ну а ты как?

Зыков стал рассказывать о жизни полка, о товарищах, а сам с улыбкой наблюдал за Костей: взгляд того был словно примагничен к его орденам и медалям. К искреннему чувству уважения к Юрию у Кости примешивалось и какое-то смущение: перед ним офицер, наград вон сколько, а что он, Костя Воробьев?

Нет, не везет, да и только...

Костю влекли передовые рубежи войны. Долгие месяцы не давала ему покоя жажда воздушных боев, настойчиво просился на передовую. И добился своего.

Юра сразу же потащил приятеля в свою землянку.

- Переходи жить ко мне. Место свободное найдется.

- Ты, смотрю, не в полет собрался, а в Большой театр.

- Воевать, Костя, нужно и со злостью, и с хорошим настроением. Бьем-то мы кого? Фашиста!

- Юра, никогда я так сильно не хотел жить, как сейчас. Ты ведь не знаешь еще. Лена-то... ну, помнишь, моя девушка... жена теперь. Сынишка у нас. В честь тебя Юркой назвали.

- Спасибо, Костя! Рад за вас.

Она сейчас в Свердловске, на военном заводе. В общежитии комнатку дали отдельную... Много приходится думать о семье, беспокоюсь.

- Не волнуйся. Получишь скоро самолет. Будь осмотрителен в воздухе. Полк у нас хороший, ребята славные.

- Так рад, что встретил тебя, Зыков, в полку. Не зря же нас свела судьба в аэроклубе. Ты уж меня не бросай.

- Наверное, не зря. Вместе воевать будем.

После обеда командир полка вызвал к себе наиболее опытных летчиков.

- Вы знаете, - нашего полку прибыло. В небе каждый летчик проходит крещение боем. Чтобы первые вылеты не омрачить потерями, надо всех новичков взять под опеку. Лейтенант Зыков, говорят, вы друга встретили?

- Так точно! Сержант Воробьев. Вместе учились в московском аэроклубе.

- Как он?

- На войне с самого начала. Партизанам грузы доставлял. Медаль "За отвагу" имеет.

- Неплохо. Возьми его под свой контроль. Проверь знание матчасти. Поделись опытом. Расскажи о всяких воздушных хитростях... Эти слова, товарищи, обращаю не только к Зыкову - ко всем здесь присутствующим. Нам дорог каждый летчик, каждый стрелок.

Показав Воробьеву аэродромное хозяйство, Зыков повел его в штурманский класс, расположенный в одном из приаэродромных сараев, познакомил с приборами и макетами в классе огневой подготовки, представил его своим боевым друзьям.

Воробьев быстро стал в семье летчиков своим парнем. Ходил на дежурства при штабе, недели две помогал латать самолеты. Устав, ложился на промасленном бушлате под израненным

крылом.

- Живучие же "илы"! - громко восхищался сержант, так, чтобы его слышал пожилой механик. - Смотри, Егоркин, самолет будто автогеном располосовали, а он до аэродрома дотянул.

- Самолет замечательный. У немцев такого нет, - согласился механик и добавил: - А моторчик-то тысяча семьсот лошадок. Красота!

- Тебе, Егоркин, лет уже немало, воюешь давно. Что же ты все в рядовых ходишь? - осторожно поинтересовался Костя.

- Не всем генералами быть, - скупо улыбнулся механик. - На войне, хошь знать, солдат с заглавной буковки пишется. Так-то.

- Чем на гражданке занимался?

- Да по ним все, по самолетам же. Был сборщиком на авиационном моторостроительном. Обучил бригаду молодых и на фронт отпросился. Я тут наше заводское клеймо на моторах нахожу - исправно служат они. Мне разве не радость: мы их собирали, на стендах проверяли, в путь-дорогу готовили... Я вот гляжу на тебя и - завидую. Летать умеешь. Да если бы мне раньше грамоту в надлежащем виде преподнесли, разве бы и я не окрылился?

Добродушный вид Егоркина, его тихий рассказ настраивали сержанта на добрые мысли. Хотелось сделать механику что-то приятное, сказать теплые слова. Он проводил в капонирах, в ремонтной полковой мастерской дни и ночи, был для раненых "илов" и терпеливой нянькой, и опытным хирургом. Диагноз самолету Иваныч ставил еще на подлете машины к аэродрому и почти всегда был точен. Сказывался опыт.

Егоркин был душой полка - неунывающий, мудрый, добрый. Его внутреннюю сосредоточенность можно было сперва принять за нелюдимость. Но если надо - и он был разговорчив, напорист. Взял в оборот даже самого проверяющего из дивизии: "Как же так, товарищ полковник, за три последних месяца ни одного нового мотора не прислали. Спросите, пожалуйста, там у товарищей по техобеспечению - где у них совесть?"

Каким гоголем ходил Егоркин, когда двигатели вскоре поступили в полк новенькие, в смазке.

В полку выпускалась стенная газета "Крылатый патриот". Просматривая очередной номер, Воробьев увидел заметку о лейтенанте Зыкове.

Назавтра на задание решено было послать пять звеньев. В звене Зыкова полетит Костя Воробьев.

Когда поднялись все штурмовики и истребители, самолет сержанта Воробьева занял свое место в боевом строю. Костя облегченно вздохнул, словно сбросил с плеч непосильную ношу.

Казалось, дружным, богатырским гулом моторов объят сейчас весь небосвод. Словно птица-вожак шел впереди строя самолет командира полка.

Низкая облачность была сегодня на руку; природа позаботилась укрыть наши самолеты от вражьих взоров, от зенитных орудий. Серый покров иногда разрывался, внизу мелькали буераки, мосты, какие-то строения.

Воробьев видел впереди себя горбатую спину зыковского "ила", зеленые упругие плоскости. Все вылеты к партизанам сержант Воробьев считал подготовкой к такому настоящему заданию. Ему приходилось возить партизанам почту, мешки с мороженными пельменями, овощи, патроны, хомуты, телогрейки - все, без чего не могут жить люди, скрытые в болотах, лесах и горах. Слово "партизан" было так же ненавистно фашистам, как слово "коммунист". И вот теперь предстояло Косте лично встретиться с врагом.

Облачность кончалась. Вскоре то там, то здесь стали появляться шапки зенитных разрывов. Слева показались четыре "мессера". Боясь приблизиться к столь грозной силе русских, залетели в хвост, с акульей жадностью и нетерпением стали преследовать крылатую дружину, держась от нее на почтительном расстоянии.

Скоро на пути следования должен был показаться вражеский аэродром. Отсюда когда-то летали фашистские транспортные самолеты на переброску продовольствия, боеприпасов окруженной армии Паулюса. Многие машины были перехвачены и уничтожены, но, по донесению разведки, самолетов сейчас там вновь появилось много.

Сильный ветер дул с запада, но командир полка точно вывел крылатую армаду на аэродром. Стрекозами расползались внизу самолеты, поднимались в воздух.

Минут пять назад все получили приказ приготовиться к бомбежке аэродрома. Выбрав наиболее выгодное направление атаки, "илы" приступили к штурму вражеских самолетов, бензозаправщиков, ангаров, аэродромных строений.

Однако сверху наседали вражеские истребители. Завязался воздушный бой. Сейчас и те "мессеры", что плелись раньше в хвосте наших машин, осмелели, пошли в атаку. Один из них, ошпаренный метким огнем пушек флагманского стрелка Большакова, быстро стал терять высоту.

Справа от штурмовика Воробьева близко пронесся "мессер". Потом сержант сквозь шум мотора услышал короткое, будто змеиное, шипение. По самолетной обшивке недалеко от кабины прошли рикошетом пули.

"Гаденыш! Откуда он вынырнул? Почему же стрелок так близко его подпустил?" - И тут же леденящая догадка охватила сержанта: стрелок убит или тяжело ранен.

"Сергей?!" - крикнул Воробьев, но не услышал ответа в наушниках своего шлемофона.

Послышались стон, хрипение, и вскоре все стихло...

- Двадцать первый! Двадцать первый! Я Тридцать девятый. У меня стрелок убит...

- Гляди, справа мессер! - крикнул Юрий.

Костя резко повернул голову. Пальцы сами нащупали гашетку. Летчик слегка развернул машину вправо, и, когда фашист полоснул пушечной очередью, ответным огнем встретил его Сорокин. Но противник ушел невредимым.

Как слабую птицу в стае, вражеские летчики, набившие глаз и руку в воздушных боях, сразу выделили штурмовик под номером "39". Он сбивался с курса, то отходил влево или вправо, то приближался к ведущему. Нетрудно было выявить новичка.

Воробьев удвоил внимание. Он заметил все с той же правой стороны двух истребителей со свастикой на хвостах, их уже встречали пулеметными очередями сзади идущие самолеты.

Внизу, не разбирая дороги, мчались танки. Со скляровского, а вслед за ним и с других "Ильюшиных" хвостатыми кометами полетели реактивные снаряды. Внизу бушевало пламя, от горевших машин растекался удушливый смрад.

Большое село, возле которого находилось скопище техники и живой силы, носило название Паровое. Село стояло на большом тракте, в нем происходило переформирование боевых соединений. Еще на собрании командир полка говорил: "Надо устроить "парилку" возле населенного пункта Паровое". И вот сейчас они поддавали жару. "Парили" фашистов бомбами и эрэсами, одновременно отражая налеты вражеских истребителей.

И еще было одно очень важное дело. Партизаны на подробной карте, начерченной от руки, указали местонахождение упрятанного под землей бензохранилища. С картой был ознакомлен каждый летчик, вылетевший на штурмовку. Все знали тот квадрат на краю села. Рядом река с крутым правым берегом, мост и неподалеку упрятанные цистерны. Партизаны не раз пытались взорвать бензохранилище, но охрана была продумана хитро и основательно. Невозможно было подступиться к берегу ни от реки, ни с трех других сторон. Оставалась уязвимой только пятая сторона: небо. Отсюда теперь надвигались звенья штурмовиков.

Точно на земляную макушку, под которой покоились цистерны, легли зажигательные бомбы. Суглинок, пропитанный

соляркой, бензином, маслами, горел хорошо. Получился ориентир, куда теперь можно было прицельно метать бомбы и реактивные снаряды. Недавно у хранилища заправлялись танки и машины, там остались шланги. Их не успели отсоединить. Горели подтеки горючего, удавами скручивались в пламени оставленные шланги. Появились пожарные машины. В одну пожарную машину угодила бомба.

У Воробьева взмокла от напряжения спина. Все, начатое минут пятнадцать назад, казалось ему сновидением. Он увидел, что полотнище огня на бензохранилище все более увеличивалось. Багровое, огромное, оно билось на невидимых растяжках, словно пытаясь оторваться от земной тверди и улететь. И только сейчас Воробьев понял: бензохранилище взорвано.

Опорожненные от тяжелого груза "Ильюшины" смыкали строй. Летчики оглядывались по сторонам, с болью в сердце недосчитываясь двоих товарищей: не было штурмовика во втором звене, он взорвался от прямого попадания в бензобак...

Был дан приказ ложиться на обратный курс. Сержант Воробьев воспринял команду с радостью. Конечно, и на обратном пути длиною в сто двадцать километров еще будут встречи с "мессерами" и вражескими зенитками. Но это все теперь не так важно. Самое главное сделано: нанесен урон вражескому аэродрому, уничтожен склад с горючим.

"Ничего, - успокаивал себя Воробьев, - это только первый бой. Говорят, всегда теряешься впервые. Пройдет..."

- Тридцать девятый, как настроение? - услышал Костя спокойный голос Зыкова.

- Нормально... Немножко, конечно, того... Непривычно...

- Ну, ну, поздравляю! Видел, как ты эрэсы пускал в склад с горючим. Ничего, метко.

От уверенного голоса лейтенанта Зыкова, от его одобрительных слов Костя повеселел.

В летописи полка значились дерзкие налеты на аэродромы противника, взорванные мосты и понтонные переправы, эшелоны с боеприпасами и продовольствием. Были уничтожены сотни танков, самолетов, бронемашин, немало живой силы. Во фронтовых газетах часто писали о гвардейцах-скляровцах. Сегодня и гвардии сержант Воробьев приобщился к высокой славе полка.

Далеко-далеко над лохмами свинцовых туч, как на фотобумаге, опущенной в проявитель, стали появляться темные пятна. Они мерцали вдали, то исчезая, то возникая вновь. Пока нельзя было определить - наши или вражеские самолеты прорисовываются на горизонте, было только видно, что их тьма.

Воробьев пробовал сосчитать их, но сбивался.

Сержант в любую секунду ждал общей команды с флагманского штурмовика. Пока не поздно, можно опуститься и пройти незаметно под покровом туч. Будь он командиром полка, он дал бы такую команду, потому что принимать бой сейчас он считал абсурдом и нелепостью - пулеметы и пушки на три четверти разряжены, до линии фронта километров пятьдесят. Вовремя сойти с дороги - не трусость: обходной маневр предусмотрен тактикой...

И тут же, едва он подумал, поступил приказ снизиться до трехсот метров, нырнуть под тучи, стараясь четко придерживаться определенной скорости и курса. Приступив к снижению, некоторое время шли в сером сумраке. Но вот сквозь голубоватую мглистость стала прорисовываться земля, сонные поля, перелески, вензели дорог.

Или вражеские истребители успели заметить маневр, или их навели по рации с земли: когда Воробьев стал приглядываться к нижним рядам туч, то заметил, как оттуда, будто из грязных рваных рукавов, высыпались самолеты-перехватчики. Рискованно было делать сейчас набор высоты. В сплошной пелене можно в любую минуту столкнуться с истребителями врага -неизвестно, сколько их еще выпадет из серо-черных туч.

- Приготовиться к бою! - услышал Воробьев в наушниках шлемофона спокойный и в то же время властный голос Склярова.

Было приказано держать прежний курс, заманивать врага на свою территорию. Вызвав по рации подкрепление, командир полка продолжал вести флагманский штурмовик вперед.

Взяв нужное упреждение, Зыков полоснул по свастике проносившемуся слева "мессеру", дольше обычного задерживая пальцы на гашетке. Потеряв управление, истребитель стал валиться вправо, с каждой секундой уменьшая высоту... от машины отделился черный комок, через несколько секунд показался белый кружок парашютного купола.

- Поздравляю, Юра! - не выдержал Воробьев, провожая взглядом обреченный самолет.

Внезапно с треском и грохотом раскололось над головой бронестекло. Воробьева обдало холодным воздухом. Кабина наполнилась пронзительным свистом... Потом откуда-то донесся мерный, праздничный звон, словно ударили враз на нескольких колокольнях одновременно. Сержанта осыпало осколками стекла.

Когда через силу разлепил глаза, с трудом удерживая будто наполненную ртутью голову, Воробьев увидел приборную доску в крупных каплях красной росы... Откуда это?.. Что это?.. В коротких проблесках сознания он сам себе казался языком одного

из звонких колоколов, невесть как попавшего в пилотскую кабину... Его кто-то раскачивает и раскачивает, бьет головой о что-то твердое: бум-бум...

Шлемофон настойчиво вопрошает и вопрошает... Кто? Зачем?.. А, это сынишка Юрка просит покачать на ноге... Сейчас. Я сейчас, Юрик, дай освободить онемевшую ногу... Ну вот, так лучше. Где же ты?..

Сержанта вывело из шокового состояния родившееся в подсознании чувство: вот-вот произойдет страшное, непоправимое. Стремительно неслась навстречу земля. К ней стремглав несся штурмовик. Воробьев, ни на секунду не выпускающий ручку управления, стал подбирать ее на себя. Машина сразу же подчинилась воле летчика.

Он осмотрелся по сторонам, отыскивая своих. Когда увидел в восточной стороне множество самолетов, шныряющих во всех направлениях, повел штурмовик туда, постепенно набирая потерянную высоту.

- Тридцать девятый! Ответь Двадцать первому.

- Двадцать первый, я Тридцать девятый!

- Костя! Жив?

- Жив... Бронестекло разбито.

Ответа не последовало, и Воробьев догадался: Юрий отражает атаку.

Достав индивидуальный перевязочный пакет, летчик стал прикладывать размотанный бинт к лицу. Невозможно было унять дрожь в руке. Бинт быстро намок. Но как же быть дальше? Безмолвствует стрелок. В кабине свистит резкий обжигающий ветер. Усиливается нестерпимая боль в голове. Саднит ногу. Он не сможет вести бой...

Воробьев все сильнее разворачивал штурмовик влево. Думал: "Доведу до линии фронта, сяду на запасном аэродроме".

Там, где шел неравный бой, изредка полыхающими факелами самолеты прочерчивали серые небеса. Двадцать первый пока молчал.

"Надо лететь туда, - пришло окончательное решение. - Ребята ведут тяжелый бой. Негоже прятаться в кусты в такую минуту... Сочтут еще за труса..."

- Тридцать девятый! Тридцать девятый!

- Слушаю, Юра.

- Крепись, Костя! Следуй домой.

- Нет, не могу!

- Это приказ. Уходи. К нам летит подкрепление... Восьмой, прикрываю.

Летчик с "мессера" при виде круто пикирующего "ила" успел

зачислить машину на свой боевой счет. Ловко он полоснул ее из пушки. Еще немного, и штурмовик врежется в землю. Но что это? "Ил" успел выровняться. Он даже набирает высоту.

Вновь бьют пушки и пулеметы "мессера". Не уклонись штурмовик Воробьева вовремя, не известно, что случилось бы. Сперва снаряды рикошетом отскакивали от брони левого борта, потом бритвенно-острая железная струя безжалостно полоснула по приборной доске.

Несколькими секундами позже левую руку точно обожгло. Воробьев пробовал пошевелить пальцами - они не слушались. "Ничего", - успокаивал себя летчик.

Круто развернувшись, пошел навстречу "мессеру" и открыл огонь. Немецкий истребитель попытался уклониться, но это ему не удалось. Когда Воробьев оглянулся, то увидел несущийся по крутой наклонной неуправляемый фашистский самолет.

Штурмовик Воробьева тоже был сильно поврежден, он с трудом перетянул линию фронта. К вечеру летчика уже качала медсанбатовская машина.

Уставали люди, уставала и техника. Из боев "Ильюшины" возвращались иногда, что называется, на одном крыле. Казалось великим чудом, как они вообще могли долететь до аэродрома. После бомбежки одной из переправ Зыков привел штурмовик с разбитыми рулями и стабилизатором. Фюзеляж имел несколько пробоин, нанесенных крупнокалиберной зенитной артиллерией. В довершение всего был отбит кусок лопасти винта. Как тут было не вспомнить слова механика Егоркина, который любовно говорил об "Ильюшиных": "Они все могут!"

Техники ремонтировали самолеты в основном ночью, соблюдая тщательную маскировку, чтобы противник не увидел с воздуха ни вспышки сварки, ни света ламп.

Однажды поздно вечером один штурмовик вернулся с задания с поврежденным шасси и хвостовым оперением. На рассвете полк должен был перебазироваться в другое место. В случае неготовности штурмовика к утру, его по приказу командования дивизии должны были уничтожить. Для ремонта был мобилизован весь технический состав полка. Когда над степью занялась заря, "Ильюшин" был готов к перелету.

Все дальше на запад уходила война. Гимнастерки летчиков, техников, оружейниц украшали ордена и медали: по заслугам отмечались доблесть и ратный труд авиаторов.

Командира полка повысили в звании - стал подполковником.

И вот гвардии подполковник Максим Скляров повел группу штурмовиков, состоящую из шести самолетов, на скопление вражеских танков.

Метеоусловия были тяжелые. Высоту нельзя было набрать из-за плотной мглы. Невольно приходилось прижиматься к земле, благо, что не попадались на пути высокие колокольни, заводские трубы и шпили зданий. На подлете к цели удалось увеличить высоту. Как ни хорошо были замаскированы танки, но ведущий быстро их обнаружил. Помогла дымящаяся полевая кухня за реденьким леском.

Немцы не ожидали появления "илов" в столь ранний час, да еще в такую погоду.

Прорезанные бульдозерными ножами широкие траншеи служили для танков надежным укрытием. Обнаружить их можно было только сверху. В разные стороны шли траншеи поуже: там скрывался личный состав. Немцы не спешили себя обнаружить. Воспользовавшись этим, штурмующие группы обрушили на цель осколочные и противотанковые бомбы.

Скляровцы всегда стремились заставать фашистов врасплох, зная, что зачастую выигранные две-три минуты могут решить исход атаки. Так случилось и здесь. Создав панику, сковав инициативу, парализовав с первого захода несколько тяжелых бронированных машин, гвардейцы развернули штурмовики для нового захода.

Пикируя на цели, летчики увидели оранжевое пламя над широкой траншеей. Толстыми конусами в разных местах поднимался дым, расстилался над землей, окутывая бегущих людей, зенитные установки. По скоплению врага и ударили новые бомбы и эрэсы.

Сделав четыре штурмовки по танкам, "Ильюшины" на бреющем полете прошли над траншеями. Ветер переменил направление, отбросив гриву дыма и огня на северо-восток, открыв темные провалы углублений.

Лейтенанту Зыкову нравились бреющие полеты. По возможности он не упускал ни одного случая расчетливо разбомбить врага.

Из Ставки в штаб 16-й воздушной армии поступил приказ: как можно быстрее уничтожить переправу через реку Припять; приостановить продвижение танковых частей врага на киевском направлении. Вызвались добровольцы, среди них - Юрий Зыков.

Еще не пробился осенний рассвет, как его штурмовик появился над Припятью. Для гитлеровцев этот налет явился полной неожиданностью. Хотя основную часть танков и другой техники немцы, видимо, пропустили ночью, но и утром не прекращался поток машин, бронетранспортеров, тягачей. С высоты понтонная переправа казалась прочно припаянной к свинцовой пластине реки.

От штурмовика Зыкова отделились бомбы. Вскоре на воде образовалась изломанная пунктирная линия - по течению тянуло звенья разбитой переправы. На одном понтоне, как на шатком пьедестале, замер объятый пламенем танк. Пылающий островок несколько секунд пронесло по течению, накренило, и многотонная громадина, дымя, пошла ко дну.

Приказ Ставки был выполнен с честью, а лейтенант Зыков получил еще один орден Красного Знамени.

Началась Севская операция на брянской земле. Значительным событием в жизни полка явилось разрушение сильно укрепленной крепости. На ее штурмовку летали двумя группами. Первую вел командир полка, вторую - Гребеньков. Вскоре в газете "Доблесть" за подписью Склярова появилась статья "Как была разрушена вражеская крепость".

Зыков Держал свежий, только что доставленный номер газеты, собираясь читать статью, набранную в три колонки.

- Юра, почитай вслух, - попросили ребята.

- Ну что ж, пожалуйста, - улыбнулся Зыков.- О таком приятно почитать: "Нам поставили задачу - подавить огневую систему на Н-ском участке, заставить замолчать пулеметы и пушки врага, проложить путь пехоте. Мы начали с того, что ознакомились с целью прямо на местности, выехав на передовую. На этом участке фронта узкая река отделяла позиции наших войск от передовой линии противника. Восточный берег реки, занимаемый нами, имеет низменный, болотистый характер, крайне невыгодный в тактическом отношении. Центром, опорой всей системы вражеской обороны этого участка являлся бывший монастырь.

Высокая и толстая кирпичная ограда опоясывала просторный двор со строениями. Одна из стен подходила к самому обрыву берега. По углам находились башни, обращенные в сторону наших войск.

Капитан-артиллерист, знакомивший нас с местностью, сказал,. что штурм этой крепости пехотинцам будет стоить много крови.

Внимательно осмотрев ее в бинокль, гвардии капитан Гребеньков, мастер точных бомбовых ударов, определил: "Орешек крепок, но расколоть его можно".

Он выразил общее мнение. Мы обещали пехотинцам, которые будут штурмовать ее, не просто подавить огневые точки, но разрушить крепость.

Одна из основных трудностей задания как раз и состояла в том, что бомбардировка должна быть исключительно точной. Исходя из этого были подобраны экипажи. Командуя всей группой, я решил вести первую шестерку. Вторую группу

возглавил гвардии капитан Гребеньков.

Перед нами прежде всего стоял вопрос, как лучше зайти на цель, чтобы разрушить ее бомбами, исключив всякую возможность поражения своих войск, находящихся буквально в ста метрах.

Предстояло разрушить укрепление не полевого, а крепостного характера.

Полет протекал так. Двумя шестерками, в правом пеленге, мы пошли к линии фронта. Летели на высоте девятьсот метров до заранее намеченного и точно рассчитанного пункта. Дойдя до него, мы развернулись на семьдесят градусов и пошли курсом, совпадающим с направлением атаки. Расчет был произведен верно, и нам не надо было доворачивать над целью.

Вот и опоясанная высокой стеной крепость. Немецкие зенитчики яростно обстреливали нас. Но нарушать боевой курс нельзя! Мы пикируем и прицельно, с высоты трехсот метров, сбрасываем часть фугасных бомб.

"Башни разбиты, поднялась кирпичная пыль", - докладывает мой стрелок Клименко. Бомбы легли в цель.

Заместители ведущих гвардии лейтенанты Филиппов и Зыков, как и было приказано, били ту же цель - восточную стену. Остальные ведомые бомбили дзоты и блиндажи, примыкающие к крепости".

- Гордись, Юра! Батя и тебя не забыл, - вымолвил кто-то из летчиков.

- Ладно, не перебивайте!

- Дайте человеку дочитать!..

"Плотным строем мы пошли на второй заход, - продолжал Зыков. - Снова клубы дыма смешались с кирпичной пылью: рушились стены вражеской крепости. Прекрасно бомбил Гребеньков, добившись и на этот раз прямого попадания в башню крепости. Затем мы атаковали врага еще раз.

Выгодный боевой курс, строгая дисциплина строя, подбор экипажей и прицельное бомбометание сыграли свою роль. Я собрал группу для четвертого захода. Но с западного берега взвилась ракета: там уже были наши. С земли по радио передали: "Спасибо, летчики. Задание выполнили отлично, идите домой".

Разворачиваясь, мы видели, как наши саперы уже начинают возводить мост. После трех заходов штурмовиков вражеская крепость перестала существовать, превратившись в груду развалин. Разрушив ее, мы расчистили путь нашей пехоте, и она, не встретив сопротивления, стремительно рванулась на запад. Этот вылет показал, что штурмовики могут с успехом разрушать и сооружения, близкие по мощности к крепостному типу".

- Вот и все, - закончил Зыков. - Внизу подпись: "Кавалер ордена Александра Невского Максим Скляров".

Зыков сложил газету, задумался.

Таким же грустным и задумчивым был он перед вылетом на штурм крепости.

- Что с тобой, Юра? - спросил тогда участливо Владимир Большаков. - Не заболел ли?

- Здоров я, Володя. О предстоящем задании думаю - ведь на родную брянскую землю бомбы сыпать придется.

- Земля простит, - ты ее от извергов защищаешь.

- Конечно, меня это радует. Наконец-то с Брянщины поперли фашиста. Хватит - оттоптался, изверг, попил водички из Десны... Вот сижу сейчас и вспоминаю, как мы с отцом на рыбалку ходили... Раннее-раннее утро, голубая кисея тумана над рекой. Пичуги только проснулись, лес стал наполняться их звонкими голосами. Какая радость - видеть пробуждение природы. С трав, с кустов, деревьев постепенно сходит сонливость. Они начинают оживать под дуновением свежего утреннего ветерка. Сбросив дрему, сладко потягиваются цветы, радуясь предстоящей встрече с солнцем. Шли с отцом тихо, вслушиваясь в звуки зарождающегося дня. Под ногами роса, серебром стекает по голенищам сапог. Над Десной тремя выгнутыми парусами висели ослепительные бело-розовые облака. Отраженные в воде, они казались еще краше и таинственнее, словно прошли через толщу вод, отстирались и отбелились. Отец вел меня на свое любимое место. В большой глубокой заводи, по его словам, мы должны были обязательно наловить на уху. И правда, рыбы было там много. Папа подсекал умело, со сноровкой. Я же в азарте дергал удилище... Прекрасное было время... Мне кажется, Володя, задумчиво говорил Юрий, - что в детстве я проезжал мимо того монастыря, который мы видели с передовой и который нам предстоит завтра бомбить. Смутно вспоминаю его толстостенные кирпичные стены, купола... Потребуется точное бомбометание.

- Все будет нормально, Юра. Последнюю ночку проведут фрицы за монолитными стенами. Завтра мы их выкурим оттуда.

Этот разговор был вчера. Сегодня крепость была разрушена. Через несколько дней пришлось скляровцам бомбить еще один подобный монастырь. В штабе армии сказали командиру полка:

- У тебя уже есть опыт выжигать огнем врага из монастырских стен.

- Опыт-то есть, - ответил Максим Скляров, - да вот в чем беда: после войны обвинят моих соколов, что они уничтожили все памятники старины на Брянщине.

Сложные чувства испытывал лейтенант Зыков, когда ранним

утром летел бомбить величественно-спокойный монастырь - новую "крепостицу". Он думал, что после первой бомбежки монолитных стен придет успокоение, но оно не пришло... Брянщина, Брянщина - милая родина детства, кто бы мог подумать, что твой сын будет сбрасывать на тебя бомбы...

Какие умельцы возвели это чудо, не один век простоявшее среди пологих холмов? Сохранились ли имена каменотесов, жестянщиков, плотников, кто приложил свой труд к созданию архитектурного памятника? Вряд ли известны имена творцов, неумолимое время покрыло их плотной пеленой забвения.

Никто ведь не знал, что толстые кирпичные стены солужат временную службу врагам Отчизны. Они превратили и этот монастырь, постройки вокруг него в сильно скрепленные огневые позиции, в казармы, в склады боеприпасов и продовольствия. Давно были расхищены редчайшие иконы, подсвечники, лампадки, отправлены "ценителями и коллекционерами" в Германию.

Каждую земную складку, каждую дорогу и рощицу внизу Юрий разглядывал с той особенной нежностью и любовью, которые рождаются при виде знакомых с детства мест. С тех пор как погнали фашистов с Брянщины, лейтенант Зыков испытывал прилив новых возвышающих душу чувств. Что-то светлое и нежное отражалось на задумчивом лице... такая лучистость взгляда появлялась и при воспоминании о Люсе - думы о родной земле Юрий отождествлял с думами о любимом человеке.

Летели, как всегда, четким слаженным строем. Зыков знал, что нельзя расслабляться - приказ должен был возобладать над всеми душевными переживаниями. Если командование потребовало еще раз выбить фрицев из "крепостицы" - значит надо их выкурить оттуда.

И все же не было в сердце покоя. Научившись перед другими атаками смирять его биение до нормального, он с трудом совладал с ним, своим сердцем, сейчас. Понимал: нельзя быть жалостливым. Ведь каждая бомбежка приближает нас к Победе... значит, надо бомбить... Хотя и жалко, что рушится то, что создавалось руками нашего же народа.

Направление атаки было выбрано ведущим таким образом, чтобы прямым курсом, без отклонений зайти на бомбежку со стороны церкви. Она была словно коренник в каменной упряжке и могла на какое-то время помешать зенитной артиллерии, густо утыканной на церковном подворье, помешать обстрелу подлетающих штурмовиков.

Так и случилось. Словно приносимые ветром, из-за куполов на орудийные расчеты, на приземистые постройки монастыря, на

снующих артиллеристов посыпались бомбы.

В нескольких местах возник пожар, над разбомбленным куполом стлалась густая завеса дыма.

После четвертого захода можно было со спокойной душой лететь на свой аэродром. С двух сторон к разрушенному монастырю устремилась вездесущая наша пехота.

Врага гнали дальше с брянской земли.

В один из ясных сентябрьских дней в перерыве между боями летчиков собрали на торжественный митинг - гвардейскому штурмовому полку вручали орден Красного Знамени. От командующего 16-й воздушной армией генерал-лейтенанта Руденко пришла телеграмма:

"Поздравляю славных штурмовиков с высокой правительственной наградой орденом Красного Знамени. Вы в боях на орловском, севском и глуховском направлениях показали образцы мужества, героизма, отваги. Своими штурмовиками расчистили путь наземным войскам, беспощадно уничтожали живую силу и технику врага. Под боевым гвардейским знаменем вперед, на запад! На полный разгром фашистских захватчиков!"

После митинга Скляров вызвал Тваури и стрелка Большакова. Экипажу предстояло вылететь на разведку с целью определить направление продвижения вражеских войск. Летали за линию фронта, фотографировали. На обратном пути осколочными бомбами вывели из строя несколько машин на дорогах, два танка и стоящий на парах паровоз на одной небольшой станции.

Подбитый одним из четырех внезапно налетевших "мессеров" самолет Тваури загорелся неподалеку от линии фронта. Крутое пикирование не помогло сбить пламя. Сколько можно тянул летчик до своей территории. Георгий выпрыгнул с парашютом первый, за ним стрелок. Высота была метров восемьсот. Они пока не знали, на чью территорию падают.

Владимир дернул кольцо парашюта. Когда над головой взвился белый купол, огляделся, ища глазами Тваури. Он был метров на сто выше. Наши истребители кружились около Георгия, оберегая от "мессеров".

На этот раз ветер дул в сторону наших позиций. С земли не палили, поэтому нетрудно было догадаться, чья территория внизу. Большаков заметил, что к нему стремительно несется один из "мессеров"... сейчас пролетит рядом, даст очередь - и конец. Сильными руками он натянул стропы и резко, камнем стал падать вниз. Скорость падения увеличилась, фашист промчался мимо. Новый заход истребителя, новое, еще большее скольжение. Опять разминулся со смертью флагманский стрелок. С земли ударили наши зенитки - истребитель отказался от третьей атаки.

Приземлились они с Тваури неподалеку от стрелковой части. Переночевав в медсанбате, на попутных машинах добрались до своего аэродрома.

Зыков первый заметил пропыленных летчика и стрелка, с распростертыми объятиями ринулся к ним, пытаясь сразу обнять обоих, но потом по очереди сгреб каждого, стал могуче расшатывать за плечи, словно пытался вытрясти из ребят душу.

- Черти! Живы!.. А тут кое-кто поминки собирался справлять.

- Рановато, - ответил Владимир.

Унылыми стали песни осенних ветров. Листва с деревьев облетела, и земля, вымощенная чистым холодным золотом, хранила праздничность и торжественность. По неприютному небу плыли грузные тучи.

В октябре произвели несколько перебазировок, не задерживаясь долго на одном месте. Часто от командующего 16-й воздушной армией Руденко на имя комдива приходили телеграммы, где выражалась благодарность Склярову за ту или иную операцию. В октябре стрелки Большаков, Сорокин и другие в групповом воздушном бою сбили одиннадцать истребителей противника.

В одном из боев был подбит штурмовик Бориса Россохина. Неуправляемая машина неслась к реке. Прыгать с парашютом было поздно да и бесполезно - внизу враг. Если бы до этого дня Россохину говорили, что бывают на земле чудеса, он бы, конечно, усомнился. Но в этот день пришлось поверить в чудо: штурмовик угодил на пологий песчаный откос, скатился по нему к реке, срезая крыльями редкие молодые деревца.

Через несколько минут Борис, весь разбитый, перебарывая нестерпимую боль, покидал кабину чудом не взорвавшегося "Ильюшина". Сухим голосом окликнул стрелка. С трудом выбрались они из самолета и до темноты отсиживались в густом дубняке.

- Знаешь, Витек, - говорил шепотом Россохин, - у меня с утра какое-то предчувствие было. Иду по аэродрому - в ушах музыка... плавно так льется, будто кто-то водит смычком по солнечным лучам. Так мне казалось...

Опытный таежник и следопыт, Борис Россохин на третьи сутки вывел стрелка к своим. Неподалеку от линии фронта наткнулись на разведчиков, ходивших за "языком". Вели они офицера со смешными, словно приклеенными, усами, лобастого, розовощекого, с большим синяком под правым прищуренным глазом.

- Сопротивлялся, гад, - пояснил смуглый боец-алтаец.

Когда ни на первый, ни на второй день Борис не появился в

полку, Катя Шорина подумала: "Погиб!" - и ужаснулась. Ходила убитая горем. Проверяла ли приборы, подносила ли боепитание к самолетам - все делала машинально, как во сне. Здесь, на фронте, где за каждым по пятам ходила смерть, для нее кончилась тихая жизнь сердца. Одного теплого взгляда Бориса хватало ей с лихвой на целый день. Теперь его нет...

...И вдруг он вырос перед ней, как из-под земли.

"Боренька! Да ты ли это?" - хотела она спросить, но слов не было.

Хотела сделать шаг - не могла. Ноги задеревенели, не оторвать от земли.

- Катенька! Вот и я. Встречай своего безлошадного...

Перед отправкой в санбат Россохин рассказал Кате и друзьям, как они добирались до своих. Два раза чуть не наскочили на немецких часовых.

- Можно считать, что вы с Виктором второй раз родились, - сказал Сорокин. - Надо Гребенькова спросить, какой угодник в тот день на свет появился, хоть свечку за него поставите в церкви.

- Вот мой угодник! - Россохин, смеясь, указал на Катю.

Началось освобождение Белоруссии. И сразу же полк понес тяжелую утрату: в бою за Гомель погиб Василий Филиппов. Зыков не находил себе места, переживал. Ведь Филиппов был первым, с кем ему пришлось летать на разведку, вести первый бой. Не стало в полку и весельчака Саши Бондаря.

Война отнимала друзей. С удесятеренной отвагой Зыков летал теперь на боевые задания. На его погонах появилось еще по звездочке. После гибели Филиппова он стал заместителем командира второй эскадрильи. На груди засияла еще одна награда - орден Александра Невского. А за три дня до этого, 17 февраля 1944 года, за образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество, доблесть и геройство Юрий был представлен к высшей награде Родины - званию Героя Советского Союза. Изложив личный боевой подвиг Юрия в наградном листе, командир полка Скляров подвел итог: "За период участия на фронтах Великой Отечественной войны тов. Зыков совершил 175 успешных боевых вылетов на самолете Ил-2. Им лично было уничтожено и повреждено:

1. Танков - 40.
2. Автомашин с войсками и грузами - 150.
3. Цистерн с горючим - 20.
4. Переправ через реку - 1.
5. Самолетов противника на его аэродромах -18.
6. Ж. д. эшелонов - 2.

7. Подавлено точек ЗА - до 32.

8. Уничтожено и выведено из строя до 1300 солдат и офицеров".

На фюзеляже своего самолета Юрий со стрелком вывели четкое слово: "Мститель". Они мстили за Богачева, за Филиппова, за Бондаря, за всех, кто погиб, кто не увидит больше ни солнца, ни лазурного неба.

Полк пополнялся новыми летчиками. Приехал старший лейтенант Владимир Милюков - бойкий, обходительный офицер, закончивший до войны Кировобадскую авиашколу. Рассказывал, как, еще учась в школе, тайком от родителей поступил в аэроклуб, прыгал с парашютом. В аэроклубе прошел специальную программу по самолетам У-2, потом постигал летное мастерство на скоростных бомбардировщиках.

Вернулся в полк и комсомолец Василий Баннов. До войны он успел закончить два курса Балашовского сельскохозяйственного техникума. С усердием изучал агрономию и почвоведение, не предполагая, что скоро всецело отдастся другой науке - летной. Уже давно успели стереться грани, отделяющие жестокую войну от тихого мира с юношескими забавами, светлыми мечтами, неосуществимыми планами. Реальность суровой военной обстановки, постоянно видимые картины сражений требовали от человека особой закалки воли и упрямого желания выстоять, победить.

В этой небесной буче летал самолет Василия Баннова, веселого пензенского парня. Воевал он дерзко и отважно, пока тяжелое ранение в ногу, полученное под Орлом, не привело его. в госпиталь. После госпиталя был отстранен от штурмовой авиации, летал на У-2, возил раненых. И вот снова в полку.

Зачисленный во вторую эскадрилью, Василий Баннов часто летал теперь с Юрием Зыковым, как говорили в полку, на разведку переднего края.

Однажды летели над рекой Сож. Понтонную переправу вывели из строя поздновато - немцы успели часть боевой техники и большое количество голов скота перегнать на западный берег. Остальных животных они решили уничтожить.

Зыков и Баннов, пролетая, видели на берегу много убитых животных.

- Сволочи! - только и процедил сквозь зубы Баннов.

Замаскированная туманом речка изредка показывала свои небольшие излучины, на которых виднелись какие-то темные пятна, вероятно, это были лодки.

За линией фронта, как бы враг ни маскировался, густо от людей и техники. Какой исход дадут последние бои? В какую

сторону продвинется искривленная многокилометровая линия фронта? Баннову верится, что продвинется она на запад - к логову врага.

Он запоминал и зарисовывал гибкую линию фронта, замечал скопление вражеских орудий, окопные изгибы, весь арсенал передовых позиций врага, что попадал в поле зрения летчика.

Баннову казалось, что он заслужит похвалу Зыкова, когда покажет быстро сделанную в воздухе "карту" линии фронта. Но, к сожалению, "карта" не понравилась командиру. Оказалось, что летчик-разведчик зарисовал все небрежно и потому допустил ряд просчетов.

Позже Баннову пришлось летать на разведку с командиром полка. Командир полка иногда вдруг запрашивал:

- Видишь, кошка дорогу фрицу перебегает? - не то шутя, не то серьезно говорил он. - Вон-вон, от печки, что стоит у сваленной крыши?

Баннову потребовалось секунд десять, чтобы разглядеть эту неприкаянную кошку, чудом оставшуюся в живых среди развалин. И он удивился: ну и глазищи у командира! Летчик понял, что батя не шутит, а дает в воздухе очередной урок наблюдательности. Много таких уроков преподали комсомольцу Василию Баннову его боевые друзья, прежде чем он стал настоящим воздушным разведчиком.

Опыт - великое дело. И приходил он не сразу. Случилось молодому летчику Мстиславу Ванюшину впервые вылететь на задание с командиром эскадрильи Кадомцевым. Увлекся Ванюшин пикированием, еле-еле штурмовик выровнял. Второй раз летел с тем же ведущим. В облачности выпустил из виду впереди летящий самолет, отстал от группы. Бензин на исходе - что делать? Хорошо, что по пути был аэродром истребительной дивизии возле Речицы. Без всяких разворотов посадил штурмовик. В дивизии удивлены - что это за ас летает в такую погоду? Позвали к генералу.

- Откуда такой?

- Гвардии младший лейтенант Ванюшин, - отрапортовал летчик. - Пятьдесят девятый гвардейский штурмовой полк. Сбился с курса.

- Плохо, что сбился. Но молодец, что самолет посадил.

- Бензин кончился...

- Подполковник Скляров командует вами?

- Так точно.

- Строг?

- Есть немного... Товарищ генерал, разрешите заправиться у вас и вылететь на своей машине? Стыдно будет пешим

возвращаться.

- Ну, ас, заправляйся. Сходи в столовую, пережди непогоду и можешь лететь. Я позвоню Склярову.

- Спасибо, товарищ генерал...

Больше никаких происшествий с Ванюшиным не было. Он летал с Кадомцевым, Россохиным, Гребеньковым, Зыковым. Бомбил автоколонны, зенитные установки, укрепления противника.

Прибывшее пополнение сразу включилось в работу. Это были не новички на войне. Парни успели пройти ратную науку на других фронтах.

А штурмовой полк жил по строгому расписанию войны. Выполняя приказы дивизии и армии, он поднимал днем и ночью самолеты, предрешая участь фашистов на белорусской земле.

В Бронном аэродром не был приспособлен для посадки в ночное время, но пилоты производили и ночные вылеты. При подлете "Ильюшиных" в цинковых ящиках зажигали керосин или мазут. Самолеты садились, и ориентировочные огни сразу же тушили, аэродром погружался во мрак.

Ночью в полковой ремонтной мастерской сварочные работы производили в палатках. Маскировка соблюдалась строгая: полк базировался вблизи линии фронта.

В Куйбышев на авиационный завод за получением самолетов был отправлен Владимир Милюков. Получив по разнарядке тринадцать машин, он придирчиво проверял их.

На одной из полученных машин ему пришлось лететь ночью на выполнение особого задания. Танковый батальон, прорвав оборону противника, ушел далеко на запад и попал в окружение. Нужно было найти его местонахождение, связаться по рации. Гвардии старшему лейтенанту Милюкову сообщили их позывные - "Сорока". Не без труда отыскал он танковую колонну. Вскоре танкистам были доставлены медикаменты, горючее, продовольствие. Пришло к ним и подкрепление. За выполнение сложной операции Милюков получил орден Отечественной войны I степени.

Но случилась беда. Штурмовик Милюкова был подбит и упал на лес с полным боезапасом, но летчик остался жив, только несколько дней отлежал в лазарете.

Россохин, узнав о таком случае, заметил:

- Судьба, Володя, судьба. Я тоже был в подобной ситуации: падал на подбитом штурмовике и остался цел. Написано нам, видно, на роду: дойти до Берлина и.. .жениться. Мне на Кате, тебе на Маше.

- Останусь жив - точно женюсь.

Слышавший их разговор Зыков с нежностью подумал о Люсе. Кончится же когда-нибудь война, придет же когда-нибудь на русскую землю выстраданный мир. Он вернется в Москву, в поселок Сокол, и скажет ласково Люсе: "Вот и я, Люсенька... Я буду тебя теперь всегда-всегда называть так, и только так!"

Может быть, даже этот год принесет победу и родная улица в Соколе встретит Юру шумящей листвой в палисадниках, птичьим щебетом, объятиями родных.

Последние атаки

Наши наземные части форсировали Днепр севернее Рогачева, решительным штурмом взяли город. Скляровский полк получил приказ командования армии контролировать шоссейные дороги Рогачев - Бобруйск, Жлобин - Бобруйск. Но пасмурная погода не позволяла летать большими группами.

С аэродрома, базирующегося в Бронном, неподалеку от Днепра, вылетали на задания парами.

Уралец Россохин часто оказывался в паре с горцем Тваури. Тваури не раз говорил:

- Боря, ты уральский горэц и поэтому мнэ брат.

Были времена, когда Россохин приглашал Тваури на рыбалку. По старой рыбацкой привычке он втыкал в гимнастерку крючки, что очень веселило Гогу. И когда их послали бомбить переправу через Днепр, он сказал:

- Ну, Россоха, айда крупную рыбу бить!

Переправа через Днепр усиленно охранялась с воздуха и с земли. Во время атаки в кабине штурмовика Тваури разорвался снаряд. Летчик инстинктивно отшатнулся к бронеспинке. Сознание вернулось, когда до земли оставалось метров двадцать. Георгий несколько секунд смотрел на правую руку и недоумевал: почему совсем недавно гладкая кожа стала красной и искромсана в нескольких местах, рука словно побывала в пасти у зверя. По ручке управления струйками стекала кровь.

Нестерпимо ломило челюсть. Горячо и солоно было во рту. Вместе со слюной и кровью он выплюнул несколько выбитых зубов.

Успокаивало Тваури то, что штурмовик ему по-прежнему повинуется, отзываясь на малейший поворот ручки управления. Так и вел он машину до аэродрома, и сознание покинуло летчика только тогда, когда "Ильюшин" сделал последние метры пробежки перед тем, как остановиться окончательно.

Тваури был отправлен в Гомельский госпиталь.

А жизнь шла своим чередом... Даже за несколько минут до вылета на задание Борис Гребеньков то декламировал стихи, то распевал любимые арии. Глядя на его бесшабашный вид, можно

было подумать, что и нет никакой войны. Веселость Бориса была не напускная, это обыкновенная норма его повседневного поведения.

- Гвардейцам уныние противопоказано! - нередко говорил он.

Сила духа не изменяла ему даже в минуты величайшего напряжения. Во время атак, воздушных боев не раз слышали, как Гребеньков среди позывных, предупреждающих советов в воздухе вклинивал строки стихов. Такие моменты случались перед самой бомбежкой, когда пальцы вот-вот должны были лечь на кнопку бомбосбрасывателя или гашетку управления пулеметами.

Дрожи, о рать иноплеменных!

России двинулись сыны...

- слышался в наушниках мелодичный голос ведущего. Он так прицельно бомбил после этого, будто огнем стремился подтвердить сказанное: сыны России двинулись на врага не зря.

Борис Гребеньков, как и Юрий Зыков, Гога Тваури, Анатолий Кадомцев, проходил летные ступени мастерства не сразу: был ведомым, а потом сам водил в атаку штурмовые группы. И разведчик он был отменный. То заметит замаскированный вражеский бронепоезд, то выявит ложную артпозицию и ухмыльнется: "Не лень же фрицам делать подобную бутафорию! Театр устроили!"

Кто-то из политотдела 16-й воздушной армии полк Склярова с легкой руки окрестил лирически-героическим. А пожалуй, и верно: хватало в полку и песенников, и танцоров, и поэтов. Бывший беспризорник старший сержант Николай Осинин, как и Борис Гребеньков, замечательно читал стихи. Полюбившиеся произведения он вырезал из газет, наклеивал в тетрадь.

- Послушайте, товарищ капитан, как Демьян Бедный верно сказал о фашистах:

Сил самых мерзостных подручный,
Шагает Гитлер-людоед.
С ним рядом спутник неразлучный
Свой оставляет мертвый след.
Они пройдут по ниве тучной,
И нивы тучной больше нет...

- Больше не пройдут! Хватит! - перебил старшего сержанта Гребеньков. - Мы им даже Пинские болота не уступили, а на пашнях и наши колхозники управятся!

Однажды Осинин в минуты душевного переживания сказал:

- Если меня собьют, прыгать не буду. Выберу фашистский гадючник - и врежусь в него.

Никто не стал разубеждать парня, такое у него было решительное выражение лица. Днем ли, бессонной ли ночью

выстрадал он эту думу? Каждый поверил: Коля распорядится жизнью так, как сказал.

Бомбили дорогу Бобруйск - Рогачев. Немцы перебрасывали к Днепру отборные дивизии. Такого скопления техники и обозов летчикам давно не приходилось видеть.

Дорогу охраняли "мессеры" и "фоккеры". Николай Осинин был четырьмя годами моложе Анатолия Кадомцева - командира эскадрильи. Разница в возрасте небольшая, но майор замечал, что смотрит на него Осинин не просто как на старшего товарища, - проскальзывает во взгляде родственное, сыновнее. Кадомцев намного превосходил своего однополчанина мастерством. Гвардии старший сержант Осинин прислушивался к каждому слову Анатолия, улавливал любой поворот сильных рук, когда комэск объяснял на земле, как пришлось ему выводить штурмовик из сложных ситуаций боя.

Давно летчики не встречались с такой оголтелостью врага, как у Днепра в февральские дни сорок четвертого года. Каждую нашу пару окружали по шесть восемь истребителей. Огонь с земли был интенсивным. Возведенные стены устремленных ввысь снарядов преграждали путь. Когда на время замолкали наземные орудия, вели огонь истребители.

Загорелся самолет командира эскадрильи. Ни резкое скольжение, ни крутое пикирование не помогли Кадомцеву сбить пламя. Майор не терял надежды избавиться от яростного пламени, которое все сильнее пеленало штурмовик. Одновременно комэск присматривался к скопищу техники на дороге. Для раздумий ему были отпущены секунды. Огонь уже стал нагревать кабину. Языки пламени оранжевой поземкой струились по бронестеклу, они торопили...

Развернув пылающий штурмовик вдоль дороги на Бобруйск, командир эскадрильи стал резко снижаться. Он уже успел присмотреть ту последнюю для него пядь родной земли, куда всей своей многотонной глыбой должен был рухнуть "летающий танк".

Короткими были слова прощания с товарищами, продолжающими вести ожесточенный бой.

Метров семьсот гвардии майор Кадомцев вел штурмовик на бреющем полете над плотной колонной. Летящее рокочущее пламя опаляло фашистскую солдатню, разбегающуюся в страхе по обочинам большака. Проносясь низко над землей, Анатолий сильно сжимал пальцами гашетку управления пулеметами. Он спешил выпустить все до последнего патрона...

Старший сержант Осинин видел, какое опустошение в колонне произошло после взрыва "Ильюшина". В ушах еще

звенели слова любимого командира:

"Погибаю за Родину... Держитесь, ребята!" "Держимся, командир!" - хотел ответить ведомый, но слова промелькнули в голове, не слетев с сухих запекшихся губ. Возникший вдруг "мессер" оказался в таком выгодном положении для атаки, что не хватило и пяти секунд, чтобы уклониться от него. И стрелок не успел выпустить по "мессеру" очередь из крупнокалиберного пулемета.

"Сейчас ливанет!" - молниеносно пронеслась мысль в голове Николая.

Штурмовик вздрогнул, словно по нему ударили огромным молотом. Осинин запоздало проводил "мессера" пушечно-пулеметным огнем, досадуя на стрелка Аркадия Братнина, почему он не предупредил о подходе истребителя.

Перед глазами старшего сержанта Осинина еще не перестало плясать яркое пламя горящего штурмовика командира эскадрильи, как заметил пламя на своей машине. Моргнул несколько раз: не показалось ли, но услышал в наушниках голос Зыкова:

- Двадцать девятый! Коля, горишь. Огонь возле воздухозаборников и масляных баков. Набери высоту, спикируй.

Когда Юрий Зыков видел пикирующий штурмовик Осинина, почти на нет сведенное пламя, он обрадованно подумал, что летчику вот-вот удастся избавиться от огня. Яркий хвост пламени укорачивался, готовый исчезнуть совсем. Но это была "хитрость" уплотненного огня. Как только "Ильюшин", сбавляя скорость, выходил из пике, у масляных баков разрастался огромный золотой сноп.

- Аркаша! Горим! Пытаюсь сбить пламя. Ты слышишь? - предупредил летчик стрелка, но не получил ответа. "Так вот почему зашел с хвоста "мессер"...

Николай до крови прикусил нижнюю губу.

Осинин мысленно был уже подготовлен к повторению подвига комэска Кадомцева. Он следовал за старшим товарищем в жизни и последует в последний бой...

Его штурмовик стал давить своей тяжестью, кромсать крытые грубым брезентом фургоны, кузова и кабины машин и наконец врезался в танки...

...В мае сорок пятого года многие летчики-скляровцы распишутся на стенах рейхстага. Но, к сожалению, не будет там автографа Кадомцева, Осинина, Богачева, других славных соколов. Распишутся за них живые.

Победной весны сорок пятого года не суждено было увидеть и гвардии старшему лейтенанту Зыкову.

Его краснозвездный штурмовик в одном из боев на белорусской земле настиг колонну вражеских пехотинцев. Юрий направил самолет вниз. Когда до земли оставалось метров двенадцать, заработали пулеметы: словно пырей под литовкой, пала ниц ошарашенная внезапным огнем вражеская пехота. Некоторые солдаты в панике вскакивали с земли, ослепленные ужасом, неслись, перепрыгивая через трупы.

Разворачивая штурмовик для нового захода, летчик и стрелок видели ровный прокос среди оставшихся в живых, поспешно убегающих пехотинцев.

После успешного выполнения задания штурмовик Зыкова возвращался в Бронное, но почти у самой линии фронта был перехвачен, очевидно, срочно вызванными по радио девятью вражескими истребителями. Стрелок Сорокин был убит. Юрий смертельно ранен. Чудом удалось ему дотянуть до своей территории, приземлиться на холмистом поле возле артиллерийской части. Подоспевшие на помощь бойцы успели вытащить Юру из горящего штурмовика. Из разбитой о бронеспинку головы сочилась кровь.

Минуты три Юрий был еще жив. Он словно выпросил у судьбы эти последние сто восемьдесят секунд жизни, чтобы, широко открыв глаза, попрощаться с небом, полкой грудью вдохнуть воздух Родины. Артиллеристы, несшие его от пылающего штурмовика, навек запомнили тот глубокий прощальный взгляд...

Впереди у гвардейского штурмового полка Максима Склярова было много разных операций - Бобруйская и Брестская, Варшавская и Берлинская. Горел под Варшавой Борис Россохин, получивший незадолго до Дня Победы звание Героя Советского Союза. Этого же звания был удостоен и Владимир Милюков, бомбивший Берлин. Оба женились после победного Мая - первый на Кате Шориной, второй на Маше Рябовой.

Георгий Тваури, Анатолий Кадомцев, Максим Скляров и Юрий Зыков также стали Героями Советского Союза. Кадомцев и Зыков - посмертно.

Юрий любил говорить друзьям:

- Ничего, братцы, кончится война - все вспомнится, всех разыщут, все встанет на свои места. Может быть, и нам найдется какое-то место в истории...

Да, оно нашлось.

Каждую победную весну на Новодевичье кладбище, где установлен памятник Герою Советского Союза Юрию Зыкову из черно-серого гранита, приходят его однополчане - Клименко, Милюков, Большаков, Баннов и другие. Приходят те, с кем крыло

в крыло сражался за чистое небо Родины отважный сын России!

Как живой с живыми говоря...

ПИСЬМА С ФРОНТА

25 июня 1941 г. Москва, поселок Сокол

Здравствуйте, папа, мама, Лиля, Эвир! Шлю вам свой привет и желаю вам всего наилучшего. Жив я и здоров совершенно, царапинки даже нет (это, конечно, вас интересует в первую очередь больше всего), несмотря на то, что нам уже пришлось познакомиться с войной. Врасплох немцы нас так и не могли застать, правда, несколько бомб упало на аэродром, но безрезультатно. Все свое "хозяйство" они сбросили в соседний сад и на поля да попробовали пулеметами, какой прочности наше шоссе. Скажу вам только одно. Это видел и испытал я впервые, и было вначале очень жутко. Мы в щели сидели и слушали, как осколки свистят. Ушли немцы безнаказанно, а во второй их налет мы дали им жизни из пулеметов! В это время я сидел и дежурил у самолетной турели, когда они налетели (метров 20 высота). Выскочили они из-за леса. Начали стрелять. Экипажи в щелях, а мы - стрелки и штурманы - остались у пулеметов. Подпустили их метров на 400 - 500 и давай строчить. Туго, видимо, им пришлось - сразу же повернули назад.

Зенитчики наши, будьте уверены, как их долбают. 2 - 3, самое большее 4 выстрела - и один самолет к праотцам отправляют. Нам с нашего аэродрома все, что делается над городом, замечательно видно. Видели мы и бомбардировки его (и самую первую 22-го в 5.20), и воздушные бои над ним, и подбитые немецкие самолеты, возвращающиеся назад, которые падали на землю с двух пулеметных очередей, видели и их парашютистов-десантников и сами ловили их. В общем, постепенно понимаем, что такое война.

Питание у нас замечательное, только спать-то вот и не приходится. За все время с 21-го я в сумме и 8 часов не спал. Ну, пока. Много писать не могу: на вышке штаба сигнал боевой тревоги. Итак - кончаю.

Адрес мой пока прежний, посылку, если выслали уже,- хорошо, а не выслали подождите высылать. Пока я остаюсь в том же звании и должности. Писать буду много реже, но это не значит, что со мной что-нибудь может случиться. Если случится, то вам-то уж сообщат. Буду осторожен. На днях вышлю ненужное мне барахло. Ну, пишите мне, как и что у вас, все ли дома. И, главное, за меня не волнуйтесь.

Юра

9 сентября 1942 г. Москва, поселок Сокол

Здоров и жив, дорогие мои.

Бью фрицев бомбой, пулей, снарядом. Жгу их, гадов, огнем. У меня уже к ним личный счет. Несколько замечательных людей, друзей моих, героически погибли в борьбе с гадами. Сколько подлости и коварства приходится встречать на поле боя. Но мы бодры духом и верим в победу, которую мы же и завоевываем. Положение сложное, тяжелое. Борьба жестокая и насмерть. И если мне придется отдать жизнь за Родину, а она ей и принадлежит, то считайте, что трусом я не погибну. Сотни незнакомых, но близких мне друзей отомстят за меня, за наши города и села, за наш народ.

Большой привет вам. Привет Люсе.

Юра

10 сентября 1942 г. Москва, поселок Сокол

Жив, здоров и цел в настоящий момент, дорогой папа. Живем хорошо, веселые ребята всегда отгоняют дурные мысли, даже если они появляются.

Вчера летал в первый раз на боевое задание. Его выполнил отлично. Фрицам здорово досталось. Страха - никакого, есть только злоба к зарвавшимся гадам.

Маме тоже пишу письмо, но тебе буду писать чаще, чем ей. А ты уж ей сообщай обо мне.

Ну, пока, передай привет всем остальным нашим.

Юра

14 октября 1942 г. Москва, поселок Сокол

Добрый день, папа и Вы, тетя Дуня, Нюся, Вася и Галя! Пишу вам после такого большого перерыва. Но вы уж меня извините - не до писем мне здесь. Вы не обижайтесь. А обидно-то мне должно быть. Мне весточки от вас нужны, как воздух. Ведь я от вас еще ни одной не получил. Отправляясь в боевой вылет, часто думаешь о вас, маме и ребятах. Тяжелые иногда думы бывают. Но, когда дело доходит до выполнения задачи, все позабывается. Это, я вам скажу, - самые яркие и лучшие минуты в работе и жизни.

Подходим к цели. Начинает бить немецкая зенитка. Красные трассы их пушек и пулеметов проходят рядом. Небо покрывается черными разрывами снарядов. Пикирует ведущий, другой, третий... Вот и моя очередь. В прицеле фашисты, танки, автомашины. Вперед - снаряды, пули, бомбы. Ненависть к врагу. Видно, как разбегаются они - фрицы, падают, как рвутся снаряды, горят машины. Выхожу за вперед идущим из пике, из атаки. Зенитка их бьет еще яростнее. В правом моем крыле рвется один ее снаряд, другой отщипывает правый элерон. Потом в самом конце пущенным вдогон снарядом уродует рули глубины. Назад в форточку вижу только лохмотья вместо руля. Я шел последним. Управление становится тяжелым, но машина идет. Идет и

маневрирует. Получаю по радио от ведущего приказ охранять хвосты самолетов от "мистеров". Иду сзади "змейкой". Вижу, как один заходит для атаки. Отгоняю его пушками. Он еще раз атакует меня. Ухожу вверх влево и веду по нему огонь, когда он проскакивает вперед меня. Но справа в плоскости рвется пара его снарядов, в кабину залетели две пули и вывели из строя приборы. Машина резко повалилась вправо. Справа у меня почти полплоскости. Силой, только силой удалось мне удержать самолет и довести до своего аэродрома. Сел. Это был один из первых моих боевых вылетов. Рука и нога зажили, зажила и рана на голове. Только челюсть немного болит. С тех пор уже летал много раз. Многому научился, многому учусь. Есть у нас замечательные летчики, хорошие люди. Отношение к нам хорошее. Нас все уважают и ценят. Нас летчиков.

У вас, наверное, наступили холода. У нас они уже тоже начинают о себе давать знать. Живем мы по-фронтовому. Но очень много приходится работать. Все о нас заботятся, все получают письма и весточки из дому, от знакомых. Ну, а я... Полк для меня стал сейчас большой семьей. Что я вам могу написать - жив и здоров. Но ваши письма, они мне нужны, как кислород телу. Одними ими можно жить. В моем планшете лежит наша последняя семейная фотография 40-го года. Она всегда со мной в бою и в жизни. В бою... это стало для меня первым и единственным, а жизнь, она принадлежит сейчас не мне - Родине.

Черт подери - и какие только мысли лезут в голову. Это, наверно, потому, что ночь всю эту спать не пришлось. Голова сейчас свежая, как никогда, слабость только большая. Все отдыхают после трудов ночных. А я сижу на крыше землянки. Сильный северный ветер дует мне в лицо. От вас он, наверно, прилетел ко мне и летит дальше. Ну что ж, доброго пути ему пожелаем. Холодный осенний ветер.

Адрес новый на конверте.

Юрий

17 октября 1942 г. Матери и брату

Добрый день, дорогие мамочка и Эвирушка!

Пишу вам, извините, не часто, но что поделаешь? Я и сам еще не получил ни от кого ни одного письма. Правда, мне сегодня вручили письмо от одной знакомой девушки, с которой я еще давно-давно был знаком. И вот мне обидно несколько стало, что первой-то она именно отозвалась на мое письмо. Но тебя я не виню, а наоборот - себя. Ведь ты не знала моего адреса. Ты простишь меня за это, моя дорогая мамочка. Я ни на минуту не забываю о вас. Сижу ли я в землянке, лечу ли бить фашистскую мразь - везде вы со мной. Наша последняя семейная карточка

постоянно лежит в моем планшете, и нет-нет в полете я взгляну на нее, на вас. И сердце мое наполняется дикой злобой к врагу, нарушившему нашу мирную плодотворную жизнь и работу, заставившему нас разъехаться в разные концы, заставившего страдать вас, дорогие мои. За все это, за муки десятков тысяч нашего народа, за поруганную честь моей Родины вожу я и сбрасываю смерть на головы озверелых бандитов. Моя жизнь - это капля в будущем море гнева нашего народа. Мы смоем врага с лица земли нашей, и тогда вы вспомните о нас, рядовых бойцах, борющихся за вашу хорошую светлую жизнь, за счастье наших детей.

За меня, мамочка, не беспокойся. Свой долг я выполняю честно. Я еще пока не герой, но именно с них я беру пример, с людей, ради великой идеи и жизнь свою отдающих. Ты не скучай по мне и не грусти. Береги себя, мамочка, и братишку. Тяжело вам будет этой зимой - это не секрет ни для кого. Всем, чем могу, я вам буду помогать. Думая, что ты переехала в Москву, я послал денег для тебя с Эвирушкой через папу.

Милые, дорогие! Большущий, большущий вам шлю я привет, целую крепко, крепко.

Сын твой Юрий

Октябрь 1942 г. Москва, поселок Сокол

Добрый день, дорогая Лиля!

Письмо я твое, сестренка, получил. И премного тебе благодарен за него. Большое тебе спасибо за твою заботу о папе. Это очень хорошо, что у вас всего в достатке, что вы особенно много не испытываете нужды. Я и за маму с Эвиром тоже более менее спокоен. Но деньги вам, а главным образом маме, посылать буду. Они мне не нужны, а ей будут не лишними. У нее ведь на руках Эвир. А вы с папой на его деньги с трудом, но проживете. Учиться ты, Лилечка, не бросай ни за что. За эту возможность мы, и я непосредственно, бьемся на фронтах. Бьемся жестоко. Я попал сразу на самый важный и ответственный участок. Мне почему-то не очень было страшно. Но, люди, которые много уже воевали и летали, говорят, что таких еще воздушных боев они не видели, что очень сильно бьют зенитки. Вы не думайте, что я волновался только в первый вылет. Каждый вылет заставляет волноваться. Ибо каждая пуля, каждый снаряд, направленный в летчика, имеет целью поразить его. А как силен огонь с земли! Но сила воли, чувство долга, заставляют не бояться смерти и бить врага крепко, жестоко. О себе я много не могу сказать.

Вообще, я здоров, цел и невредим. Ну а если суждено уж мне погибнуть, то не унывайте и не падайте духом. Я себя берегу. Беречь себя - это значит выполнять долг перед Родиной. Бережет

себя и трус, но трус погибает в первую очередь. Герой - бессмертен.

Недавно я выполнял задание. У меня над целью забарахлил мотор. До линии фронта, до своей территории, было далеко, я имел еще возможность долететь до нее и имел на это полное право, но я продолжал атаковывать противника, и только когда боеприпасы подошли к концу, повернул домой. Полчаса летел я, мотор едва тянул, его зверски трясло. Но я долетел. И сейчас продолжаю летать на этой машине. Видишь, это есть выполнение своего долга перед Родиной. За это я получил благодарность.

Тебе очень, очень благодарен за то, что ты так хорошо отозвалась о Люсе. Это очень замечательная, милая девушка. Я скажу тебе по секрету: люблю ее. Такая она хорошая, добрая. Когда я был в Москве, так хотелось увидеть ее. Но неожиданно получил приказание вылететь на фронт.

Мой друг (она с ним разговаривала) на другой день рассказывал мне, как она горевала о том, что мы не смогли встретиться. Ведь более двух лет мы не виделись. Но я еще буду в Москве, я не погибну, я не хочу этого!

Ты поцелуй ее крепко, крепко и тихонько скажи ей, что это от меня.

Прошу тебя!

Дорогая Лилечка, живите дружно, весело, это поможет вам перенести все трудности. А они могут быть и очень большие.

С большим приветом брат твой Юрий

Октябрь, 1942 г. Москва, поселок Сокол

Добрый день, дорогие мои папочка и Лиля!

Вчера я получил ваше письмо и очень за него благодарен. Я по-прежнему работаю в той же части и по-прежнему нахожусь на том же участке фронта, о котором мы с тобой так много говорили. Наши друзья бьют немцев у Владикавказа, а мы у себя.

Жарко у нас сейчас. Летаем прямо-таки в очень плохую погоду. Фрицы вот не летают - мандрашат. Ну а в остальном все в порядке у меня. Бьем мы сейчас фрицев крепко, папа. Я понимаю прекрасно, что непосредственно мы решаем судьбу нашей Родины. Эту святую задачу мы выполним. Это говорю я - твой сын, это говорят мои друзья, это говорят все бойцы Красной Армии. Скоро вы все будете свидетелями Великого наступления Красной Армии. Оно уже началось на Кавказе, начинается у нас. Родина была и будет свободной. В этом клянемся мы - рядовые воины великого народа.

Сын твой Юра

Декабрь, 1942 г.

Добрый день, дорогой Эвир!

Наконец получил от тебя лично письмо. Это очень хорошее письмо. Я рад за тебя, мой братик. Ты уже стал совсем большим. А я тебя помню еще маленьким второклассником. Старайся, Эвирчик, учись как следует - хорошо учись. И не надо ссориться со своими друзьями-одноклассниками. И также очень хорошо и замечательно то, что ты овладеваешь тем оружием, которым воюет наша армия. Вы же нам на смену идете. Ну а я и мои друзья бьем немцев, гоним их прочь с нашей земли. Ты, наверное, читал, как наша армия погнала, гонит и бьет немцев, румын, итальянцев под Сталинградом. И я своим оружием помогаю нашей великой пехоте в этом большом наступлении. Ты бы посмотрел только, как эта арийская мерзость разбегается, падает, взлетает на воздух, когда ведут огонь грозные штурмовики. Это я с товарищами уничтожаю врага. И в эти моменты очень приятно думать, что вы в тылу хорошо работаете, хорошо учитесь. Учись, браток, хорошо учись. Во всем слушай маму, заботься о ней. Ну, будь умницей. Шлю тебе большой братский фронтовой привет.

Брат твой Юрий

16 декабря 1942 г. Москва, поселок Сокол, из письма сестре и отцу

...У меня сейчас здорово возросло количество получаемых писем. Напечатали про мои скромные боевые успехи в нашей армейской газете. Вот теперь и пишут то "счастливому летчику", то просто "Зыкову Юрию". И все девушки. Прямо отбою нет. Главное, отвечать всем приходится. Бумаги прямо не хватает. Сегодня вот получил наивное письмо от двух девчат. Немного смешно стало, когда читал его. Все, правда, это меня очень радует, это - хорошо. Вот какие дела у меня творятся...

31 декабря 1942 г. Москва, поселок Сокол

Добрый день, Лиля! Пишу это письмо только для тебя, но можешь показать его и папе. Журить тебя я уже не буду, буду, прямо говоря, ругаться. Ты поступила в институт учиться, это хорошо. Что именно в этот институт - тоже хорошо: твое дело выбирать. Но у тебя нехорошие мысли. Будто твоя учеба в тылу бесполезная и даже вредная штука. Говорить много не буду. Надо только понять, что отличная, самоотверженная работа в тылу сказывается громадным облегчением на плечах нашей армии. Что было, если бы все вдруг захотели в армию. Глупо это, даже думать не хочется. Тем паче, ты стоишь во главе вашей комсомольской организации. Поставили на руководящую работу - руководи. А уйдешь куда-то... что это? - дезертирство. Понятно? Все об этом.

Насчет меня ты здорово расписала. И сам не пойму, что во мне особенного. Но что армия, фронт да еще непосредственное

участие в бою действительно сказываются на человеке - это правда. Я сейчас сам себя не узнаю.

С приветом Юра

15 февраля 1943 г. Москва, поселок Сокол

Добрый день, дорогие папа и Лиля!

Пишу вам это письмо и сообщаю вам, что у нас сейчас очень большая радость. Нашей части присвоили гвардейское звание. Теперь я - гвардии старшина Зыков. Эту великую честь быть гвардейцами мы собственной кровью завоевали на полях Великой Отечественной войны. Страна по заслугам оценила нас - теперь мы гвардейцы! Это звание мы не опозорим. Куда, на какой участок фронта ни послала бы нас Родина, мы будем драться, как дрались и дерутся гвардейцы, герои народной войны.

С приветом Юра

Москва, поселок Сокол

Добрый день, дорогие папа и Лиля!

Жизнь моя сейчас течет своим чередом. Мирно и спокойно. Можно сказать, что мы сейчас находимся на отдыхе. Занимаемся, тренируемся. А вообще, заслуживающего внимания в нашей жизни нет ничего. Посылаю вам карточку. Она у меня единственная. Снимался еще в январе, а достал только сегодня. Сейчас у меня вся правая сторона в медалях и орденах, и на левой есть орден - приеду и не узнаете.

За Сталинград я получил знак и звание гвардейца, медаль "За оборону Сталинграда", орден Отечественной войны II степени и орден Красного Знамени. На снимке орден Отечественной войны II степени, но, вот беда, я его в один из последних боевых вылетов сильно повредил. Придется ждать, когда приеду в Москву. Только там его смогут исправить.

Ну, пока, дорогие. Где сейчас мама?

С приветом Юра

27 мая 1943 г. Москва, поселок Сокол

Добрый день, Лилечка!

Открытки, твою и Эвирушкину, получил и спешу ответить вам обоим сразу. Но много писать о себе я не знаю о чем. Слишком обыкновение и проста моя жизнь.

Эвир спрашивает, сколько я сбил самолетов врага? Ни одного. Ведь я не истребитель, а штурмовик. А это самый благородный род авиации. Перед штурмовиками должны преклоняться все. В тяжелый туман, в дождь, в снег, в любую погоду и в любое время громят они живую силу и технику врага. А сколько зенитного огня, сколько "мессеров" и "фоккеров" посылают на них! Но я за все время боев не знал ни одного случая, где бы "илы" не выполнили своего задания. Даже немцы

не могут скрыть ужаса и восхищения перед летчиками-штурмовиками. В воздухе я не сбивал противника, но сколько самолетов уничтожено мною на земле бомбами и пушками, сколько танков и автомашин, а сколько пехоты врага навечно легло под огнем моих пулеметов!

Ты, Эвир, просишь рассказать о каком-либо подвиге моем или товарища. Это могут сделать корреспонденты газет, а я не в силах. Ведь вся работа штурмовика - это один большой эпизод. Со стороны смотря, в нем можно иногда увидеть и даже нотки героического. Но для меня лично борьба с врагом превратилась в необходимость, как здоровый и полезный труд для здорового человека. Иногда работаешь вполне спокойно, иногда бывает трудно, тяжело и даже страшно. Только все переживания в себе хранишь и не показываешь их другим.

Ну извините за короткое письмо.

С приветом Ю.

1943 г. Москва, Зине Смирновой

Добрый день, Зина!

Давно нет от тебя ответа, хотя, правду говоря, и я давно тебе не писал. Не обижайся на меня. Я по-прежнему неисправим: опять эта самая лень-матушка. Хотя у меня есть большое оправдание. Сейчас у меня очень много боевой работы. Часто, когда под плоскостями моей боевой машины проплывают берега седого Днепра, я вновь испытываю чувство радости, что вижу великую украинскую реку, ставшую нам такой родной и близкой.

Красивый, тихий, ласковый. Помнишь, как его описывал Гоголь? Я видел его таким еще до войны. Но сейчас он другой - седой и хмурый. Его холодные осенние волны пенятся от разрывов снарядов и бомб. Небо над ним содрогается от гула моторов десятков самолетов, а берега политы кровью героев, отдавших жизнь свою за счастливое и радостное будущее нашей Родины.

Врагу не топтать больше берегов Днепра, ему не быть там, откуда прогнала его наша Красная Армия.

Моя машина летит дальше на запад, там, впереди, где черными шапками встают передо мной разрывы зениток - враг. Он мечется подо мной в страхе и злобе, трясущимися руками посылает в меня огонь или, если в воздухе, до пота сжимает управление своего полосатого "фокке-вульфа".

И тут во мне загорается огонь борьбы, мести за нашу поруганную землю, чувства, которые всегда сопровождают меня в бою. Внизу враг. И послушная рулям машина с ревом несется вперед, вниз, туда, где засуетились, забегали черные козявки-фрицы, где неуклюже застыли серые коробки танков с черными

крестами на боках. Глаз никогда не подводил меня, а руки всегда уверенно жали гашетки пушек и пулеметов. Огонь, огонь, больше огня!

Прерывистые нити трасс связывают сейчас мой самолет с целью. Это летит на немцев смерть - черная, верная смерть. Хватит стрелять, вниз идут бомбы. Вывожу из пикирования, разворачиваюсь. Внизу огонь, дым. Несколько самолетов повторяют мой маневр. Это мои товарищи.

Еще один заход, и еще, и так до последнего патрона. В воздухе черно от зенитных разрывов. Они рвутся справа, слева, впереди - кругом. Легко маневрирую среди этих маленьких, но злых облачков. Кое-где шныряют "фоккеры". Они тоже не так страшны. Впервой с ними что ли встречаться? Мой стрелок недавно двух сбил. "Яки" наши с ними уже ведут бой. Разворачиваюсь над полем боя и беру курс на свою территорию, домой. И снова подо мной Днепро. Сейчас, кажется мне, улыбается он и благодарит. Действительно, неплохо поработали.

Впереди аэродром, посадка. Это было вчера, а сегодня командир полка поздравил меня с четвертой правительственной наградой - вторым орденом Красного Знамени. Как бы мне хотелось побыть сейчас дома, но нельзя, слишком много впереди еще дел предстоит. Уж лучше вернемся, когда совсем разобьем врага. Эх, и заживем же мы тогда!

Ну а пока всего хорошего, Зина, Извини меня за немного лирическое настроение.

С приветом Юра

Август, 1943 г. Москва, поселок Сокол

Добрый день, дорогие папа, мама, Лилечка и Эвир!

У меня все в порядке, есть сейчас свободное время, и я сел вам писать письмо. Живу я помаленьку, неплохо. Меня приняли в члены партии. А вчера я праздновал свой юбилей (сотый боевой вылет) и годовщину своего пребывания на фронте. Ты, папочка, наверное, помнишь, когда я приезжал прошлым летом домой. Кажется, и немного времени прошло с тех пор, но сколько "воды утекло", сколько пришлось пережить...

С приветом Юра

1943 г. Москва, Зине Смирновой

Добрый день, Зина!

Вчера вечером письмо твое получил, ну а сегодня утречком решил ответить. Сразу, правда, не удалось это сделать. Только пошел в столовую позавтракать (после думал приняться за письмо), как вызвали и дали задание сходить на разведку. Есть у нас небольшое "колечко", а в нем войск немецких - слава богу. Вот туда я и полетел, побыстрее хотим мы с ними разделаться. Да

встретил туман по пути, машина льдом стала покрываться. Пришлось вернуться: тяжело было лететь. У меня и сейчас еще руки дрожат, когда пишу, это все от напряжения большого. А вот после вчерашних полетов я хотел кое-что записать в блокнот, да не смог. Ну и отложил до сегодняшнего дня. Сейчас тяжеловато стало работать. Погода плохая стоит. Вот и посылают нас, и меня, в частности, как "старого" (не по годам, конечно) летчика в полет. Ну а нас таких не особенно много, вот и приходится в день по нескольку раз летать. Но мне что-то не очень хочется сегодня говорить и думать об этих осенних полетах. Виной всему - настроение неважное и, быть может, вчерашний полет, когда я уже подумал, что ниточка жизни моей к концу подошла.

Шел на малой высоте и выскочил на группу немецких танков. Они меня таким дружным огнем встретили, что, поверь мне, редко я видел такое. Не успел опомниться, как в машину несколько снарядов попало. И такая злость меня охватила (ведь со времени Сталинградской битвы меня так не колотили), что сделал я по ним три захода. Два танка после этого горели на земле, а напарник мой машину с каким-то грузом взорвал.

Ты, Зина, писала мне о моем письме, что хорошее оно, что из меня писатель получится. Едва ли это будет так. Видишь ли, я не стремлюсь к этому и не думаю об этом. Моя профессия - летчик. Я и сейчас себя всецело отдаю летному искусству. Как дальше - будет видно, если и получаются иной раз хорошие письма, но только благодаря впечатлениям от пережитого.

Но нельзя отрицать того, что здесь во многом сказываются труды Анны Федоровны, Леонида Андреевича, Анны Семеновны и многих других наших с тобой прекрасных преподавателей, сумевших воспитать в нас любовь к своим предметам и научить уму-разуму. Действительно, как хороши были годы юности, проведенные в стенах школы! Но мало мы понимали и ценили их. Я и сейчас сожалею о том, что не был на выпускном вечере, а пошел на аэродром летать (я сдавал госзачеты по практике). Но все-таки это сделало меня летчиком и дало возможность летать на прекрасных машинах Ильюшина.

С приветом Юрий

5 ноября 1943 г. Москва, поселок Сокол

Добрый день, дорогие папа, мама, Лилечка и Эвир!

Поздравляю вас с 26-й годовщиной Великой Октябрьской революции, хотя знаю, что мое письмо придет гораздо позже.

У меня все в порядке, здоров, как и всегда. Осень у нас уже глубокая, так что сидим вынужденно без работы.

Меня недавно назначили на должность заместителя командира эскадрильи. Вот и все, что есть у меня нового.

Посылаю Эвирчику открытку с рисунком. Сидел, делать было нечего, вот я и занялся художеством.

Скоро день моего рождения. Четвертый раз я его буду отмечать вдалеке от вас. Но это не беда. Вы только меня не забудьте и за счастье наше общее, и мое, в частности, выпейте, если будет что выпить.

Ну вот и все.

С приветом Юра

Зима 1943 г. Москва. Зине Смирновой

Добрый день, Зина!

Получил твое письмо, лежа в госпитале. Писать немножко тяжеловато, потому что мне часа два тому назад сделали маленькую операцию. Левая рука очень разболелась, а правая ей в этом помогает. Видимо, между ними какая-то существует связь. Доктор говорит, что дня через четыре меня выпишет, и то только благодаря моим неустанным просьбам и требованиям.

Лежу я, где все ребята почти здоровые, мы все просимся по частям, но нас сразу-то не отпускают. Вот мы и даем здесь довольно-таки часто такие "концерты", что сестры бегают по всем комнатам и не знают, куда деться. Я, сам не знаю почему, по их мнению, являюсь заправилой всего. Вот и сейчас пишу это письмо и поглядываю на дежурную сестру. Она на меня тоже смотрит, видимо, ожидает чего-то. А писать действительно трудно. Рука болит и болит. Только не обижайся на такое короткое письмо. Я тебе, Зина, после еще напишу.

Юра

Декабрь 1943 г. Куйбышев. Из письма Ирине Брунс

...Будучи в Москве, встретил я наших одноклассников Катерину Васину, Ирину Макаревич. Они мало изменились и по внешности, и по характеру. Первая до сих пор не нашла себе в жизни дорогу, вторая работает в метро. Виделся и разговаривал с Зиной Смирновой (между прочим, в свое время к ней я был неравнодушен). Она учится в институте и одновременно работает педагогом. Обещала время от времени писать и понемногу свое обещание выполняет. По-прежнему очень простая, по-прежнему хороший товарищ.

Лешка Кац ведет большую переписку с Катериной Васиной, шлет ей в каждом письме тысячи поцелуев, а мне ни одной строчки не написал, хотя адрес мой знает. Вот как неожиданно рвется старая дружба. Жалко, конечно, что это так.

Заходил в нашу школу. Все там по-старому. Те же картинки висят на стенах классов и коридоров. Был в нашем классе, нашел свою парту и сидел за ней. Но какой она стала маленькой. Из учителей осталась одна Анна Семеновна. Я хотел ее увидеть, но

не успел. Начались военные действия, и я улетел срочно на фронт. Дома побыл всего семь дней. Как во сне пролетели они. А я ведь не думал уже в эту войну и дома побывать.

Кончаю письмо и прошу тебя, Ирочка, если можешь, то пришли мне свою фотокарточку. Я ее буду с любовью хранить, ведь память о лучших друзьях юности мне очень дорога.

Ну, всего хорошего, Иринка.

Еще раз счастья в жизни желаю тебе в новом 1944 году.

С приветом Юрий

24 декабря 1943 г. Москва, Зина Смирновой

Добрый день, Зина!

Пишу тебе это письмо не в совсем обычной обстановке. Второй раз сажусь на вынужденную посадку. Уже вечер. Пришлось переночевать проситься в крестьянскую хату. Не обедал еще, а доберусь до дому только к завтрашнему вечеру. Хочется кушать, но просить не хочется, неудобно как-то. Вот и сижу, думаю о завтрашнем ужине. Ну да это ничего, не то еще бывало - всякое. В комнате чисто, лампочка тускло горит. На полу возится двухлетний ребенок (Ваней, кажется, его зовут) со своей сестренкой. Славный, все интересуется моими унтами. Они пушистые такие. Поздно уже, лягу лучше спать. Завтра допишу письмо.

Вот и опять вечер. Прошли сутки, как я начал писать тебе, Зина, это письмо. Добрался я, собственно говоря, не совсем плохо. Долго приходилось "голосовать" на дороге (т. е. поднимать руку перед попутной машиной), долго пришлось ехать, замерз ужасно. И проголодался, но все же получил большое удовольствие. Мне почему-то нравится ехать на автомашине. И чтоб дорога была дальняя. Чего только не увидишь. Новые края, новых людей. Зайдешь напиться в избу или у колодца, попросишь у какой-нибудь старушки воды, напьешься, а она на тебя так жалостливо посмотрит. Не все, конечно, такие. Молодые девчата, те обычно любят посмеяться, пошутить. В больших городах людей почти не увидишь, а что есть, то на окраинах живут. И стараются пройти мимо незаметно. Видимо, сильно на их психику повлияла двухлетняя оккупация немцами. Только сейчас они начинают постепенно осваиваться с новой обстановкой. Несмотря на то что снег покрыл все поля, там очень много можно встретить населения, которое выкапывает запрятанные от немцев зерно, картошку или какие-либо вещи.

И вот когда едешь по фронтовым дорогам и видишь все это и ощущаешь вновь зарождающуюся жизнь, то так тебя охватывает окружающая действительность, что с досадой думаешь о близком доме. Хочется ехать все дальше и дальше. Только зимой холод, а

летом пыль смазывают всю прелесть этих поездок. Вам трудно понять все это, вам, не видавшим суеты прифронтовой жизни. Но найдутся, которые хорошо и подробно опишут все. Ну а наше дело воевать. Как ни странно, война стала моей профессией. Живу хорошо, воюю - нормально. Боевых новостей интересных у меня нет. Ну вот и все. Еще раз поздравляю с новым годом.

С приветом Ю.

Январь 1944 г. Алексею Кацу

Здравствуй, дорогой Леша!

Первый раз за столько времени получил от тебя письмо. Как это меня обрадовало. Ведь ты понимаешь, сколько я перепортил бумаги на письма, чтобы найти тебя в вихре всех событий. И не смог. Ты меня нашел! Был я в Москве и у твоей матери адрес взял, да он, как видишь, не тот оказался. Но, слава богу, все в порядке. Лешка, дорогой, сколько воды утекло за это долгое время. Ты знаешь, наверное, начал я воевать под Сталинградом, когда немецкие войска стали прорываться к Дону. И вот начались бои, каких мир не видал и каких и я с тех пор не встречал. А много довелось мне пережить и увидеть. Большой путь мне пришлось проделать от степей Сталинграда до глухих болот и лесов Белоруссии. И хоть бы день отдыха. Много приходится летать. Был вот семь дней в Москве. В командировку летал... А после бои, да какие! Орел, Севск!.. И везде, где было трудно нашим наземникам, шли "пехотинцы воздуха" - штурмовики...

Вспомнил я только что один случай. Когда сбили меня (это было под Сталинградом), упал я в степи. Выскочил из самолета, он горит, патроны рвутся. Отбежал на несколько шагов и упал. Пришел в себя и, как сейчас, помню сухую траву кругом, а вверху на синем-синем небе бегут редкие белые облака. Кругом тихо, где-то голоса людей, которые меня искали. А по одной былинке ползет божья коровка, и нет ей до меня никакого дела. А лицо у меня все в крови, рука и нога перебиты, и так тяжело и тошно мне стало, а пошевелиться не могу. Хотел крикнуть, да какой-то хрип получился, вроде стона. Тут меня и подобрали. И долго я вспоминал это видение...

20 февраля 1944 г.

Москва, Шелепиха, Медведевой Люсе

Люсенька, дорогая!

Коротенько пишу, ты извини меня за это. Радость у меня сегодня-то какая! Вручили мне еще один орден - Александра Невского. Люсенька, как жаль, что не было тебя в этот момент со мной рядом. Люсенька, моя родная, как я люблю тебя! Целую и обнимаю, милая.

Твой Юрий

Это было последнее письмо с фронта. 21 февраля после выполнения боевого задания в неравном воздушном бою Юрий Николаевич Зыков погиб смертью храбрых.